

ЗЕМЛЯ ЗОМБИ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТОРЖЕСТВУЕТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

МАК ШТОРМ

18+

Мак Шторм

Земля зомби.

Справедливость торжествует

«Автор»

2022

Мак Шторм

Земля зомби. Справедливость торжествует / Мак Шторм —
«Автор», 2022

Пятая книга цикла "Земля зомби". Помимо уже известных проблем, с которыми следует разобраться, появляется новая. Сектанты пошли в наступление, выведя из центра города большие орды мертвецов, убивая всех живых на своём пути. Чтобы остановить их, рынок отправляет делегацию по ближайшим анклавам в попытках создать объединённую армию. Главным героям предстоит поучаствовать в "Священной войне" и, в очередной раз встав под знамена рынка, дать бой силам зла. Содержит нецензурную брань.

© Мак Шторм, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Неожиданный визит	5
Глава 2. Неожиданная встреча	9
Глава 3. Разведка бандитского логова	19
Глава 4. Ликвидация банды	33
Глава 5. Дорога домой	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мак Шторм

Земля зомби. Справедливость торжествует

Глава 1. Неожиданный визит

Колонну неожиданно появившихся броневиков мы встретили во всеоружии, заняв позиции у окон и внимательно наблюдая за машинами, ползущими по улице в сторону нашего дома. Я, как и Артём, был уверен, что колонна из десятка бывших инкассаторских броневиков могла принадлежать только Рынку, но тревожные мысли всё равно не выходили из головы. А вдруг появились какие-нибудь тёмные лошадки, у которых ресурсов было больше, чем у Рынка? Как, например, те люди, которых видели бывшие сироты на очистных сооружениях.

Мои опасения были развеяны, когда колонна бронемашин остановила своё движение и из третьего от начала колонны автомобиля вылез Гестаповец собственной персоной. Подойдя к калитке, он приветливо помахал рукой и закурил, ожидая нашей реакции. Оставив всех на стрелковых позициях, я отправился к «высокому гостю», почтившему нас своим неожиданным визитом.

Открыв калитку, я протянул руку для приветствия, внимательно осматривая Гестаповца. В полной экипировке я его никогда ещё не видел, поэтому мне было немного непривычно видеть его перед собой во всеоружии, да ещё и за пределами территории Рынка.

Гестаповец не изменил своему пристрастию к черному цвету и был всё так же в своей форме, которая, впрочем, ничем не отличалась от той, что носила вся охрана Рынка. Занимая высокую должность в иерархии Рынка, он не выделялся внешними атрибутами власти в виде больших золотых звёзд на погонах, не носил на груди целые иконостасы орденов и медалей, ему не нужно было показательно подчеркивать свою власть и доказывать свой авторитет, потому что за прямолинейность и простоту к тем, кого Гестаповец считал нормальными, люди были преданы ему и безгранично уважали. Как и за то, что к врагам он был беспощаден и жесток, искренне считая, что всякие ублюдки, перешагнувшие рамки, которые люди не должны перешагивать, не заслуживают к себе человеческого отношения.

Сейчас Гестаповец был похож на машину для убийства. На его разгрузочном жилете висело множество подсумков со снаряжёнными магазинами, три гранатных подсумка, аптечка, сухарка, рация. На бедре была черная тактическая кобура с пистолетом внутри. Также на видном месте он закрепил два ножа, но не удивлюсь, если ещё как минимум один нож и пистолет были спрятаны от глаз стороннего обывателя где-то на его теле. Если прибавить ко всему этому пару длинноствольных винтовок, которые он оставил в автомобиле, и его профессиональные навыки убивать людей, то не завидую я тем, кто отважится оказаться на его пути с недобрыми намерениями.

Но несмотря на то, что Гестаповец был сейчас похож на киборга-убийцу из какого-нибудь старого боевика, а в застывших неподвижно автомобилях находились его верные соратники, подготовленные не хуже, чем он сам, меня смущал тот факт, что он покинул территорию Рынка, которую никогда не оставлял без присмотра, предпочитая лично вникать в каждую мелочь и контролировать безопасность, постоянно держа руку на пульсе.

Пожав в приветствие его крепкую руку, я успел рассмотреть его непривычную экипировку и спросил:

– Последнее время мало кто любит сюрпризы, даже если это внезапный визит хорошего человека. Что-то случилось на Рынке?

– Не только на Рынке. Может, пригласишь меня в гости или так и будешь держать на улице у ворот? – уклончиво ответил он.

После его слов я осознал, что был так обескуражен неожиданным появлением гостя, что действительно неуважительно держу его на улице, не приглашая пройти в дом. Сделав на лице виноватую улыбку, отвечаю:

– Прошу меня простить, внезапное появление колонны броневиков немного напрягло и сбilo меня с толку. Вам у нас в доме всегда рады.

– Ну, тогда пойдём, у меня не так много свободного времени, а визит к вам вообще не планировался, просто вспомнил, что ваша берлога по пути моего маршрута, и решил ненадолго заглянуть, поделиться свежими новостями.

Я проводил Гестаповца на кухню. Поздоровавшись со всеми, он вежливо отказался от еды, но согласился выпить горячего чая со свежей домашней выпечкой. Сделав пару глотков горячего ароматного напитка, он произнёс:

– Как вы понимаете, я не просто так покинул Рынок. Толкнула меня на это возрастающая с каждым днём активность проклятых сектантов. Не тех сектантов, которые безобидные и бьют лбом по полу, поклоняясь куриному богу, а других, шизанутых сатанистов, которые обосновались в центре города, и теперь с каждым днем начинают наглеть, распolzаясь по городу, совершая ритуальные убийства людей.

Проговорил он и сделал очередной глоток чая.

Воспользовавшись возникшей паузой, Кузьмич, со свойственной ему бестактностью, задал вопрос:

– А чё вы их не перехерачите? У вас самая большая армия и лучшее вооружение из того, что я видел за последние полгода!

Гость поставил кружку обратно на стол и ответил:

– Будь это обычные бандиты, я бы уже давно так и поступил. Но тут всё гораздо сложнее и запутанней. Эти уроды не первый год занимаются хернёй, поклоняясь своему тёмному владыке, и за эти годы хорошо отточили мастерство кооперации, скрывая своё мерзкое увлечение от окружающих людей. Поэтому даже среди вас сейчас может находиться один из сектантов, а вы это не узнаете до того момента, пока он вам всем во сне не перережет горло.

Гестаповца прервала бабулька, произнеся сердитым голосом:

– Ты, мил человек, за языком следи, а то не посмотрю на твою армию, ожидающую тебя внизу, и тресну скалкой по голове, чтобы думал, что говоришь!

Гестаповец посмотрел на воинственно сверкающую глазами бабульку и улыбнувшись произнёс:

– Может, пример не совсем корректный, но смысл его понятен. Проклятые фанатики хорошо владеют искусством конспирации, и мне не удалось вычислить у себя их шпиона. И это при том, что я твердо уверен, что он есть, а у меня по всему Рынку свои глаза и уши. Тем не менее, три отряда поисковиков пропали, а потом были обнаружены со следами зверских пыток и вырезанной пирамидой с кровавым глазом на теле. Я в такие совпадения не верю. А новости последних дней вообще заставили меня покинуть Рынок и отправиться в ближайшие крупные анклавы с предложением, объединившись в единый фронт, дать бой сектантам.

Пока гость делал очередной глоток чая, я задал ему вопрос:

– Как я понимаю, проблема очень серьезная, если вы хотите объединить силы всех известных поселений?

– Сектанты выбрались из центра, и теперь режут людей по всему городу. К тому же, из центра города в разные стороны начали движение орды мертвецов, как будто ими кто-то руководит, направляя их. Разведчики докладывают, что никогда такого не видели, зомбаков невозможно сосчитать. Численность самих сектантов нам неизвестна, но, боюсь, их тоже немало,

поэтому возникшая угроза может существенно испортить всем жизнь, и впервые за полгода требуется создание сводной армии.

Сделав очередной глоток чая, он поставил на стол опустевшую кружку и сказал:

– Мне нужно выдвигаться в Нововоронеж. На вас в битве против сектантов, которой я дал кодовое название «Священная война», я могу рассчитывать?

– Да. – без колебания ответил я.

Гость удовлетворённо кивнул:

– Вы, как всегда, не обманули мои ожидания. Спасибо за вкусный чай, мне нужно ехать, время не ждёт. – проговорил Гестаповец и, попрощавшись со всеми, отправился на выход.

Перед калиткой он молча пожал мне руку и снова занял место в третьем броневике, колонна плавно тронулась. Проводив автомобили взглядом, я вернулся в дом. Зайдя на кухню, я поймал на себе взгляды домочадцев, которые, сидя в полнейшей тишине, ожидающе смотрели на меня. Сев за стол, я коротко спросил:

– Что?

– В смысле «Что»?! Ты зачем подписался на эту священную войну, крестonosец недоделанный?! Как будто у нас своих войн мало! Настолько мало, что вчера пришлось голосовать, с кем воевать в первую очередь! – тут же накинулся на меня Кузьмич.

Все остальные оказались более сдержанными и просто смотрели на меня, ожидая ответа.

Я не стал делать театральных пауз, и просто ответил:

– А что, по-твоему, нужно было отсидеться в стороне? Может, ты забыл, как нам помогли с бандой Фартового? Если забыл, то я напомню, что там погибли и получили ранения ребята Гестаповца. Или ты считаешь, что мы за городом и нам ничего не угрожает? Так от нашего загородного жилья до Воронежа рукой подать. Представляешь, как будет весело, если я сейчас ответил бы ему, что это не наша проблема, а через неделю сюда нагрянет толпа сектантов и возьмёт дом в осаду? У кого ты тогда будешь просить помощи, у Шамана и Шрама?

Кузьмич молча слушал мою речь, под конец он сделал виноватое лицо и ответил:

– Ты прав, я что-то ляпнул на эмоциях, не подумав. За себя я не переживаю, моя жизнь на всём её протяжении и ломаного гроша никогда не стоила. Но у нас в доме появляется всё больше женщин и детей, за которых мы несем ответственность!

Произнёс он, оправдываясь, и посмотрел на Ведьму, которая слушала его слова, сидя с невозмутимым видом.

Повисла неловкая тишина, которую нарушил Виктор. Поправив очки, он произнёс:

– Это хорошо, что мы вписались в тему с сектантами. Именно сейчас происходят процессы становления новых центров силы. Рынок, несмотря на свои капиталистические корни, живет по логичным, справедливым и человеческим законам, поэтому лучше союзника нам не найти. А одним, несмотря на то, что у нас немало оружия и боеприпасов, запасы еды и своя скважина, нам не выжить. Рано или поздно сюда заявится серьезный противник, не важно кто это будет: толпа сектантов или крупная банда. Мы сейчас сплочённые и многим можем обломать зубы, но не стоит тешить себя иллюзиями, что любой враг нам по плечу.

– Вот ты жути нагнал! А самое главное – я услышал про капитализм и не услышал про коммунизм. Боюсь, тепегь внезапно может пойти снег. Но в целом, я с тобой согласен, далеко не каждый враг нам позубам и джужба с Гынком, склепленная совместными боевыми опегациями и кговью, – самый лучший из возможных вагиантов. – проговорил Артём.

Обсуждения, вызванные внезапным визитом Гестаповца, довольно быстро утихли. Все понимали, что с Рынком необходимо поддерживать теплые отношения. А сектанты, которые начали убивать людей по всему городу, заслуживают смерти даже больше, чем банда, на которую мы планировали налёт.

После того, как закончилось обсуждение по поводу нашего участия в «священной войне», я сказал:

– У нас есть в запасе как минимум пару суток, пока Гестаповец объездит все анклавы и проведёт переговоры. Потом, по возвращении на Рынок, он ещё какое-то время будет всё планировать. Поэтому предлагаю сейчас устроить получасовой перекур, а после него обсудить завтрашнюю атаку на бандитское логово.

– Не понял, мы что, завтра поедим мочить этих мразей? – удивленно спросил Кузьмич. На что я ему ответил:

– А что тебя удивляет? Ты же больше всех недавно переживал, что у нас много нерешённых дел, вот завтра и начнем их решать, время вроде позволяет.

– Всё пгавильно, пока газведданные, полученные нами, соответствуют истине, тянуть нет смысла. – подержал меня Артём.

Кузьмич понял, что лучше ему сейчас не выступать, и промолчал в ответ. Я прекрасно понимал желание Кузьмича спокойно провести время, находясь рядом с ведьмой, но недаром же говорят, что делу время, а потехе час. У него времени даже больше, чем час, до завтрашнего утра, пусть и за это спасибо скажет. Успеет ещё наворковать, тоже мне голубь сизокрылый. Хотя, судя по его седым волосам, скорее, белый орел.

После непродолжительного отдыха, который я потратил на то, что курил на улице, а после игрался с собакой, мы приступили к детальному обсуждению плана атаки, проведя за этим мероприятием время до позднего вечера.

Глава 2. Неожиданная встреча

Утро началось спокойно, меня разбудила жена, сунув под нос чашку с кофе. Я успел неспеша покурить и принять душ перед ранним завтраком.

У народа за столом были сосредоточенно серьёзные лица, что было вполне объяснимо – нам, после быстрого завтрака, предстоял выезд из дома. А после того, как мы спрячем машины, марш-бросок до бандитского логова и целый день скрытного наблюдения за ним. Штурм было решено начинать по классике, под утро, в час «собачей вахты», когда самый крепкий сон и даже часовые, как правило, рассеянные и невнимательные.

Для осуществления поездки нам пришлось произвести рокировку по дежурствам, была очередь Артёма и его жены, но Артём, как лучший снайпер в группе, был нам необходим для отстрела бандитов. Решилось всё довольно легко: Павел сам согласился остаться на охране дома, аргументировав это тем, что уже привык дежурить.

Я был этому только рад, Павел, пока залечивал раны, нанесённые ему безумными малолетками в торговом центре, много времени провел сидя дома. Он не притирался в боевых условиях, как все остальные члены группы, но зато лучше всех обращался со стационарной рацией.

Нужно будет потом поговорить с ним, если он не рвётся наружу, то пусть сидит в доме. Стреляет он хорошо, радист от бога, идеальная кандидатура на охрану дома.

Подготовка к выезду стала для нас привычным ритуалом и много времени не заняла. Всё было, как всегда, не считая усиленного продуктового пайка в рюкзаках. Неизвестно, как всё может обернуться, с учётом того, что машины будут далеко спрятаны, а нам почти сутки придётся безвылазно сидеть в доме напротив логова бандитов.

Попрощавшись с теми, кто остаётся дома, выслушав их напутствия и пожелания удачи, мы выехали со двора дома, как всегда, используя для перемещения два бывших инкассаторских броневика. Которые с наступлением весны подверглись небольшим переменам и сменили свой цвет. Благо, теперь это не требовалось регистрировать в ГАИ, а запросы на качество малярных работ стали максимально занижены, поэтому мы сами меняли цвет автомобилей, нанеся краску с помощью никому ненужных баллончиков, которые всё ещё легко можно было найти в почти нетронутых магазинах с автоэмалью.

Теперь автомобили были серого цвета, с черными разводами. Поскольку снега больше не было, белый цвет сильно бросался в глаза издали, а теперь они сливались с пыльным и грязным городом.

Конечной точкой нашего маршрута был частный сектор на ваях, там мы планировали найти укромное место и спрятать автомобили.

Под размеренное урчание двигателя весело покачался страус на зеркале, реагируя на появившиеся в асфальте трещины. Прошло всего лишь полгода с того момента, как городом перестали заниматься различные службы, и природа начала уверенно завоевывать свои территории назад. Дороги, покрытые асфальтом, больше никто не ремонтировал, в некоторых местах стали появляться трещины и ямы. А сейчас, в самый разгар весны, по всему городу стали стремительно разрастаться кусты, разбавляя серость мертвого города своей яркой зеленью. Если различные эко-активисты выжили, то, наверное, прыгают от счастья. Даже в своих самых смелых мечтах никто из них не прогнозировал такого масштабного снижения воздействия человечества на природу планеты.

Город быстро зарастал зеленью, иногда маленькие кустики торчали посреди дороги, прорастая из трещин в асфальтовом покрытии. Вид зарастающего мертвого города с брошенными на дороге раскученными автомобилями навеивал тоску.

К счастью, непродолжительная поездка, кроме испорченного настроения и грустных мыслей, больше никаких сюрпризов не преподнесла. Редкие зомби – новые хозяева города, провожали наши броневики злобными взглядами. Одиночки и небольшие стайки мертвецов были бессильны против тяжелых бронированных фургонов. Некоторые из тех, кто оказывался на пути нашей небольшой колонны, без малейшей тени страха кидались навстречу машинам, чтобы в следующую секунду с переломанными костями отлететь в сторону.

Мы проехали по улице Ильюшина, мимо печальной известной заправки, от которой сейчас остались лишь обгорелые останки. На кольце повернули направо, на переулочек Отличников. Немного проехав по нему, после разгромленной автозаправки с разбитыми витринами и стёклами свернули ещё раз направо, на улицу Красный Октябрь.

Сделано это было не для того, чтобы порадовать Витю таким коммунистическим названием улицы. Просто это было самое начало частного сектора, где можно спрятать автомобили. И отсюда было недалеко до железной дороги, перейдя которую мы оказывались в районе авиазавода, поблизости от бандитского логова.

Свернув с дороги, мы ехали по частному сектору, разглядывая одноэтажные частные дома. Все они выглядели заброшенными. В одном месте пожар уничтожил сразу пять домов, стоявших рядом друг с другом, что не было редкостью. Пожары уничтожили немало различных строений в городе, прежде чем пропал газ и электричество. После того, как город лишился всех благ цивилизации, пожары стали редкостью, и теперь случались в основном только из-за людей.

Нужный нам дом нашёлся примерно на середине улицы. Сам дом нам был безразличен, интерес вызвали его высокие ворота – если во дворе будет достаточно места для двух броневиков, то их не будет видно с улицы. Как раз то, что мы искали, колеся по улицам частного сектора.

Дом, как и все другие дома на улице, выглядел заброшенным. Мы специально ехали медленно, рассматривая запыленные окна и поросшие травой дорожки, ведущие к домам. Конечно, нельзя было исключать вариант, что где-то люди всё же были, просто не хотели выдавать посторонним своё жильё и выходили с другой стороны двора, но других вариантов у нас особенно не было, а риск есть везде и в любом деле.

К тому же был расчёт на то, что даже при обнаружении кем-то из людей броневиков, они не смогут их вскрыть, а громко орущая сирена сигнализации приманит со всей округи зомбаков и отобьёт такое желание.

Остановившись перед заинтересовавшим нас домом, мы выбрались на улицу. Мертвецы со всей улицы радостно устремились к нам, как будто скучали по живым людям. Но все в отряде знали их истинные побуждения, поэтому, повесив автоматы за спины, вооружились холодным оружием. Патроны следовало экономить, к тому же лишний шум нам был не нужен. Мертвецов было примерно два десятка, но они не представляли угрозы, растянувшись на всю улицу, до нас доходили по одному.

Убийство зомби стало делом обеденным, поэтому я без лишних эмоций успокоил одного, проломив ему голову так полюбившимся мне пожарным топориком. Его малые размеры и удобная прорезиненная ручка делали этот инструмент невероятно удобным. Тем более, у него, помимо лезвия для рубки деревянных конструкций, в отличие от обычного топора, на другой стороне был заострённый выступ для открытия люков, который идеально подходил для пробивания черепов красноглазых мертвецов.

Как это иронично! Красным топориком тушить их красные кровожадные взгляды, отправляя их в преисподнюю, где этим тварям самое место.

Все в отряде, как и я, уже привыкли к зачисткам и молча выполняли свою работу, убивая зомбаков. Всё это было обыденно и банально. Лишь два человека в отряде умудрялись, убивая зомби, сильно выделяться среди всех, невольно заставляя других наблюдать за их действиями.

Первым был Берсерк со своей любимой здоровенной кувалдой. Благодаря её весу и своей недожинной силе, которую он редко когда мог рассчитать, а скорее всего даже и не думал это делать, убийства мертвецов в его исполнении выглядели всегда особенно кроваво и мерзко. Их головы разлетались, как перезрелые арбузы, противно хрустя костями и разбрызгивая своё содержимое. Я даже как-то думал поговорить с ним, чтобы он старался делать это более изящно, а то порой нет-нет да и подкатывал ком к горлу, глядя на его работу. Но потом передумал, решив, что слишком Алёшенька был необычным парнем. Я испугался, что, начав действовать не на автомате, он может задуматься и получить укус, поэтому пусть бездумно херачит мертвецов, как его душе угодно, они это явно заслужили.

Вторым, точнее второй, была Ведьма. В отличие от Берсерка, убийства мертвецов в её исполнении всегда напоминали изящный танец. Настоящий танец смерти, непохожий на нелепые дрыганья нашего странного соседа, Шамана, у которого по любому поводу был свой ритуальный танец. Каждое движение её катаны было молниеносно и точно выверено.

Спустя 10 минут все желающие отведать свежей плоти были уничтожены. Чтобы не привлекать излишнее внимание, мы спрятали тела зомбаков, перетащив их в густые кусты, растущие у одного из ближайших домов. После чего начали осмотр заинтересовавшего нас дома.

Снаружи не было заметно каких-либо признаков жизни. Открыв калитку, мы вошли во двор. Между домами был забетонированный проезд, ведущий вглубь двора. Следов чьего-либо присутствия не обнаружилось. Двор заканчивался гаражом, сбоку от которого была небольшая беседка.

Дверь в дом была раскурочена и раскрыта нараспашку – следы посещения мародёров. Внутри дома был небольшой бардак, причём устроенный явно ещё хозяевами, которые в спешке покидали своё жилище. Мародёры обычно забирают еду, хорошую одежду и всякие полезные мелочи типа фонариков, батареек. Тут же вся одежда была свалена на кровать, рядом с ней вперемешку валялись различные фотографии, книжки, игрушки. Видимо, это всё то, что изначально члены семьи планировали забрать с собой, но в последний момент бросили, признав лишними и ненужными вещами. Надеюсь, они смогли доехать куда планировали и прижиться на новом месте, а мы пока воспользуемся их двором.

Вскрыв навесной замок, Кузьмич распахнул ворота и призывно помахал рукой. Машины были загнаны во двор, народ принялся выгружать свои вещи, готовясь пройти остаток пути пешком.

На подгонку снаряжения и короткий перекур было отведено 10 минут, по окончании этого времени все члены отряда были готовы выдвигаться. Закрыв автомобили, мы поставили их на сигнализацию. Ворота подвязали найденной в гараже проволокой. Теперь машины, спрятанные во дворе, с улицы не было заметно.

Продвигаться решили по частному сектору, не возвращаясь на заасфальтированную дорогу. Тут было меньше вероятности найти приключения и мертвецов, чем на дороге, которая вся просматривалась в бинокль издалека. У нас уже было запланировано грандиозное веселье, поэтому больше не требовалось.

По одной из версий, все пословицы возникли не на пустом месте. Когда, спустя 20 минут нашего пешего марш-броска, я услышал крик, полный боли, то сплюнул себе под ноги, подумав: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах».

Я не верил в добренького дедушку, восседающего на небесах: при его всемогуществе, которое ему приписывают, то, что происходит в мире, не должно происходить. Но, видимо, всё же существуют некие силы, которые иногда любят человеку, который слишком сильно расслабился, устраивать неожиданные сюрпризы.

Мы успели прилично удалиться от дома, где оставили свои машины, и сейчас в одном из домов впереди, кто-то страшно кричал от боли. Мы сразу забежали во двор ближайшего дома и принялись тихо совещаться. Артём, любовно поглаживая ствол своего автомата, сказал:

– Жопой чую, пгидётся постгелять.

– Картавый, если бы ты думал головой, то не стал бы говорить очевидных вещей. – тут же поддел своего друга Кузьмич, получив в ответ гневную тираду от Ведьмы. Та обожгла друзей взглядом и рассерженно прошипела:

– Там человек с ума сходит от боли, каждая секунда на счету, а вы тут стоите и шутки шутите! Нужно попытаться ему помочь.

Я поддержал её:

– Она права. Несмотря на то, что мы должны как можно быстрее занять наблюдательные позиции у логова бандитов. Оставить бедолагу орать от боли и не помочь ему будет неправильно. На разведку у нас нет времени, поэтому сейчас выходим и крадемся вдоль домов. Если его жрут зомбаки, то их устранять без шума. Если внутри обнаружатся другие живые, то действовать по ситуации, в героев играть не нужно. Лучше переполошить всю округу стрельбой, чем кидаться на бандитов с холодным оружием и словить пулю.

Закончив короткий инструктаж, я первый покинул двор, показав знаками, чтобы Артём занял место прямо за мной. Вытянувшись в цепь, мы пошли вдоль домов, приближаясь к тому месту, откуда доносились ужасные крики.

Когда мы его достигли, то сразу заметили, что этот дом был кем-то обжит. На это указывала хорошо заметная протоптанная дорожка у калитки, которая сейчас была раскрыта нараспашку. Крики утихли, сменившись мучительными стонами, стали слышны мужские голоса. Слова разобрать было невозможно, но говорили, иногда взрываясь смехом, как минимум три человека мужского пола.

Артём достал из нагрудного кармана небольшую круглую черную пудреницу. Открыв зеркальце, он поднял его чуть выше подоконника, целую минуту молча рассматривая через отражение в зеркале помещение, после чего, не произнося ни единого слова, он перебрался к другому окну. Подобные манипуляции он совершил, заглядывая во все окна. У последнего окна Артём задержался дольше, чем обычно. Медленно вращая кистью, он аккуратно двигал зеркало, стараясь получше рассмотреть комнату и то, что происходило внутри неё.

Увидев всё, что ему нужно, он закрыл пудреницу и спрятал её обратно в карман. Вернувшись к нам, он шёпотом сообщил:

– В этом доме мы уже никому не сможем помочь. Там проклятые сектанты истязают мужика, он ещё дышит, но с такими ганами жить бедолаге осталось недолго. Гядом на кговати лежит девка, вся в кгови, но она походу уже всё.

Глаза Кузьмича налились дурной кровью, у него были свои личные счёты к сектантам после того, как они зверски расправились с его давней знакомой. Нервно сглотнув слюну, он спросил охрипшим голосом:

– Сколько ты насчитал сектантов?

– Я видел только тгёх, ведут себя беспечно.

– Совсем страх потеряли, твари. Но это хорошо, сейчас мы им преподадим жизненный урок. Последний в их никчемной жизни. – злобно прошептал Кузьмич.

Я сделал знак рукой, чтобы он успокоился, и спросил у Артема:

– Ты сможешь сам их снять, чтобы не поднимать лишний шум?

– Легко, они стоят там в полный рост, пощелкаю, как мишени в тире, за три секунды. Они даже не успеют понять, что произошло. – проговорил Артём и, достав из своего рюкзака банку для бесшумной стрельбы, которую все без лишних затей называли глушителем, принялся накручивать её на ствол своего оружия, потом отстегнул магазин с обычными патронами, заменил его на другой, в котором находились патроны с малой навеской пороха.

Закончив манипуляции с приготовлением оружия к бою, он снял его с предохранителя. Дождавшись, когда из окна снова послышится громкий мужской смех, он аккуратно передер-

нул затвор, посылая патрон в ствол, и показал знаком, что готов к стрельбе. Я кивнул ему в ответ, предлагая начинать атаку, когда ему удобно.

Мы с Артёмом заняли позиции, выпрямившись по разные стороны от окна. Поскольку я был левшой, а он правшой, то мы не мешали друг другу. Я стоял справа от окна, ожидая, пока Артём начнет действовать, готовый подстраховать его, на тот случай, если сектанты окажутся вооружены и расторопны. Артём стоял слева, прищурился глазами и сильно сжав губы, готовясь открыть стрельбу по сектантам внутри дома. Остальные члены отряда, присев на одно колено, выстроились в полукруг, ошестившись стволами автоматов и прикрывая нас со всех сторон.

Из окна вновь донеслись голоса, а затем последовал смех. Артём, казалось, только этого и ждал. Сделав быстрый шаг, он застыл, оказавшись у левой створки окна, целясь через стекло внутрь дома. Я скопировал его движения, застыв по правую руку от него, держа на прицеле ближайшего ко мне сектанта. Спустя мгновение тихо начал звякать металлом затвор оружия в руках Артёма. Пули со звоном врезались в стекло, оставляя в нём круглые отверстия, от которых в разные стороны расходились трещины, похожие на паутину. Смех внезапно прервался, как будто его обладатель неожиданно оказался под водой и начал захлёбываться. Сектанты попадали на пол замертво, так и не успев понять, что произошло. Моя помощь не потребовалась, и теперь я потирал обожжённую щеку, беззлобно матеря Артема. Моя позиция была слишком близко к Артёму, во время стрельбы его горячие гильзы отлетали прямо в меня.

Не успели мы обрадоваться нашей легкой победе над сектантами, как внезапно раздался громкий звук с силой раскрываемого настежь окна, после которого отчетливо было слышно, как на землю с другой стороны дома поочередно выпрыгнуло два человека, которые тут же побежали прочь.

Выругались все, даже девушки, в нашем отряде, а в следующее мгновение, повинувшись инстинктам, побежали, бросаясь в погоню. Я громко прокричал:

– Стоять! Куда вы понеслись! Быстро все назад!

Мои слова охладили пыл готовых броситься в погоню людей, они прекратили преследование. Только Артём, оббежав дом, припал на одно колено и, тщательно целясь, сделал три одиночных выстрела. После чего, вернувшись к нам, доложил:

– Ещё двое угодков убежали, но одного я, похоже, всё-таки смог зацепить.

– Пусть бегут, мы не будем их преследовать, у нас другая цель. Тем более неизвестно, куда они бегут, может, через пару улиц находятся их товарищи, которые с радостью встретят потерявших страх преследователей огнём из укрытий. Поэтому считайте все, кто бездумно подался инстинкту и начал бежать и преследовать их, с большой вероятностью могли минут через 10 словить пулю и лежать остывать на земле, глядя стекленеющими глазами в небо. – остудил я разгорячённые адреналином головы.

Все молча смотрели на меня, понимая правоту моих слов.

Тишину прервала Ведьма, напомнив:

– Черт с этими сектантами, там человек лежит раненый и нуждается в помощи, а мы тут стоим лясы точим.

После её слов все внезапно вспомнили слова Артема о том, что происходило в одной из комнат дома, и страшные крики, которые привлекли наше внимание.

Дом быстро проверили, чтобы не допустить ошибку ещё раз. Осматривая комнату за комнатой через прицелы автоматов, мы проверили каждый угол. Заглянув за шторы, в шкаф, под кровати, в любое место, где теоретически мог укрыться человек.

Завершив осмотр, мы успокоились. Единственные сектанты, которых нам удалось обнаружить в этом доме, лежали мертвыми на полу, заливая его кровью. Увидев, что натворили эти нелюди, я закричал от злости зубами. Очень жаль, что двоим удалось ускользнуть, а три тела на полу умерли быстро и без боли, наверное, даже не успев толком даже понять, что произошло.

Единственный живой человек в этом доме лежал на кровати, весь залитый кровью, которая сочилась из многочисленных ран на его теле. Никак не среагировав на наше появление, он тихо стонал, уставившись в потолок окровавленными провалами вместо варварски вырванных глазных яблок.

Рядом с ним лежал окровавленный труп голой девушки. Проклятые изуверы замучили её насмерть первой, вырвав её глаза и сильно искромсав ножами тело, оставляя на нём свою сектантскую символику и просто порезы разной глубины.

Моя жена, вынув из рюкзака аптечку, кинулась на помощь выжившему мужчине, который с трудом стонал от боли, а я принялся осматривать комнату, в которой мы оказались.

Трудно сказать, являлась эта парочка хозяевами дома или они начали жить тут после появления зомби, но о том, что они выживали именно в этом доме, говорило множество вещей. Из пяти комнат просторного дома они сделали основной ту, в которой мы сейчас находились. Нетрудно было догадаться, что сподвигло их на такое решение. Достаточно было посмотреть на стены и потолок со следами копоти и простую железную печку буржуйку у окна, которая не могла протопить в зимнее время весь дом, вот и пришлось им использовать только одну из комнат, отапливая её.

Мне стало интересно посмотреть на их быт более внимательно, я принялся ходить по дому, всё разглядывая. Впечатление от увиденного сложилось неоднозначное. С одной стороны, эта пара смогла целых полгода выживать в городе, кишашем зомби и погруженном в хаос, что большинству горожан не удалось, но те условия быта, в которых они выживали, показывали явную деградацию этой пары. Дом превратился в настоящий бомжатник, заваленный различным хламом.

Выйдя во двор, в углу участка я обнаружил целую грудку мелких костей. К счастью, человеческих среди них не было. А те, что были, принадлежали собакам, кошкам, голубям и вроде даже пара крысиных скелетов валялась среди обглоданных останков. Голод не тетка: если сильно прижмёт, можно даже ремень кожаный сожрать.

Но тут, скорее, дело было в страхе выбираться далеко от жилища в поисках нормального пропитания. А может, банальная лень, благодаря которой люди раньше довольствовались баклажкой дешёвого пива в день и не стремились к лучшей жизни. Сейчас, конечно, многое поменялось, но лень никуда не делась. Просто обрела другие черты, и теперь такие вот счастливицы, пережившие настоящий ад, жрали голубей и крыс и не предпринимали попыток как-то улучшить свою положение.

Но кто я такой, чтобы осуждать их? Я сам никогда не был праведником, а эти люди жили так, как им хотелось, и не причиняли никому вреда. Поэтому не заслуживали того, что с ними сотворили сектанты. С этими грустными мыслями я вернулся в дом.

Раненому в это время смыли кровь с лица, и теперь поили его, придерживая фляжку с водой у рта. Тела сектантов перетаскивали в другую комнату, накидав сверху на лужи крови на полу всякие тряпки.

Увидев меня, жена печально проговорила:

– Мы не сможем ему помочь, он потерял много крови, к тому же ему вырвали глаза. Но, прежде чем лишиться его зрения, эти твари заставляли его наблюдать за тем, как страдает его подруга, которую они поочередно насиловали и резали ножами на протяжении нескольких часов. Поэтому он теперь просит только об одном – умоляет убить его.

Выслушав её, я тяжело вздохнул и ответил:

– Я его прекрасно понимаю, но убить его у меня не поднимется рука.

Услышав мои слова, изувеченный сектантами мужчина перестал пить воду. Когда от его губ убрали флягу, он тихим, едва слышимым, голосом выдавил:

– Не тратьте на меня своё время. Просто дайте мне нож, я всё сделаю сам. Только умоляю, пусть это будет мой нож, который лежит на кухонном столе, а не один из тех, которые были у этих ублюдков.

С трудом проговорил он, в комнате наступила зловещая тишина. Как ни странно, первым скинул с себя оцепенение Берсерк. Взяв со стола тонкий кухонный нож, который в его здоровенной лапе смотрелся как игрушечный, он аккуратно вложил его в руку изуродованного мужчины. Тот, почувствовав рукоятку ножа в своей ладони, крепко сжал её и раздвинул разбитые губы в страшной улыбке, обнажая обломки зубов.

Свободной левой рукой, он принялся шарить по своему лицу, пока не нащупал пустую правую глазницу, затем дрожащей рукой поднёс к ней нож и, сделав глубокий вдох, вогнал его в окровавленную пустую глазницу по самую ручку.

Все стояли, как загипнотизированные, смотря на синюю пластиковую рукоятку ножа, которая торчала из глаза оборвавшего свою струну жизни человека. Кузьмич, приобняв Ведьму за плечи, развернул её лицом к выходу и сообщил:

– Нет времени на скорбь, нам нужно за светлое время суток добраться до бандитского логова и изучить его. К тому же, пока мы тут без толку торчим, сюда могут направляться сектанты с подкреплением, чтобы отомстить за своих единоверцев. Я бы очень не хотел оказаться на месте этих бедолаг.

Он кивнул на изувеченные тела на кровати и, легонько подталкивая Ведьму в спину, двинулся вместе с ней к выходу из дома. Старый алкоголик часто нёс несусветную чушь, но сейчас он был прав. Все молча последовали за ним. Ни у кого даже не возникло мысли обыскивать этот дом в поисках полезных вещей. Слишком всё в нем выглядело неопрятно и вызывало отвращение, даже без учёта кровавой драмы, невольными свидетелями которой мы стали.

Покинув мрачный дом в подавленном настроении, первые 20 минут мы шли молча, настороженно озираясь по сторонам, опасаясь преследования или засады, организованной сектантами поблизости.

Наши опасения оказались напрасными, на нас никто не напал. Постепенно испорченное настроение стало возвращаться. Я спросил у идущего рядом со мной Артёма:

– Нашли что-нибудь интересное у убитых сатанистов?

– Нихгена у них пги себе не было, даже пгостой гации. Как будто выбгались на пгогулку в пагк. Пгичем, как ты сам видел, одеты они были в обычную одежду, поэтому от ногмальных людей их не отличить. Единственное, у каждого с собой был нож. Модели самые газные, но все они были изгисованы их дьявольскими символами. – хмуро повествовал Артём и замолчал.

Видимо, он был не в настроении сейчас разговаривать, я не стал больше его тревожить вопросами. Немного отстав от него, я оказался рядом со своей женой. Посмотрев на меня грустным взглядом, она спросила:

– Как ты думаешь, эти сектанты действительно верят в своего дьявола? Или в кого они там верят?

– Не факт. Думаю, для многих раньше это было таким необычным, загадочно-мистическим элементом времяпровождения. Поэтому половина из них только притворялась, что верит в эту чушь.

– А сейчас?

– А сейчас некоторые из них уверовали, на фоне произошедших событий. Уверен, теперь там появился страх, что в случае сомнения в искренней вере и преданности делу, собратья учинят жёсткую расправу. Ну и последний ингредиент этого адского коктейля – сектанты-садисты, которые реально кайфуют, пытая людей.

Жена после моих слов зябко передернула плечами и проговорила:

– И как таких уродов земля носит!

– Как ты могла убедиться, земля способна носить и более уродливые создания. – ответил я и прекратил этот неприятный разговор.

Частный сектор, по улочкам которого передвигался наш отряд, заканчивался. Мы подошли к улице Циолковского, недалеко от места пересечения с переулком Отличников. Циолковского, уходя налево, вела к железнодорожной станции «Придача» и пешеходному мосту. Проходя над рельсами, мост соединял ВАИ и Авиазаовод. До нашей цели осталось совсем немного.

Укрывшись в кустах, мы провели короткое совещание, осматривая округу в бинокль. Окружающий пейзаж был привычно унылый: умерший город, покрытый пылью и мусором, брошенные на дороге машины, большинство из которых были разукomплектованы, разнообразный мусор, гонимый порывами ветра, покосившийся неработающий светофор с допсекцией, за которым стоял пыльный серый киоск, бывший когда-то шиномонтажкой. Слева от него находился длинный белый забор, из точно таких же бетонных секций, как в воинской части посреди леса. Сколько раз раньше проезжал мимо, но никогда не задумывался, что заходит за этим забором. Судя по большим зданиям за ним и гигантским подъёмным кранам, какие-то склады, возможно, связанные с железной дорогой.

Ну и, конечно же, зомби, которых, к счастью, было немного, они бесцельно бродили или вовсе стояли, зависнув на одном месте. Судя по телам тварей, которые виднелись на земле в разных местах, кто-то уже неоднократно прорезивал их ряды, но, как и везде, пустой улица не бывает, из разных щелей выползают новые. У нас не Нововоронеж, где жителям удалось, несмотря на потери, зачистить полностью город от мертвецов. Воронеж никто не зачищал от тварей, их тут ещё очень и очень много. Причем абсолютно невозможно предугадать, где и сколько примерно. В разные дни на одном и том же месте может стоять один или пара мертвецов, а может оказаться целая толпа.

Сейчас нам повезло, мертвецы были, но их было мало, что позволяло без лишнего риска убить их холодным оружием, не поднимая лишнего шума.

Обсудив план передвижения, мы выбрались из укрытия и направились к железнодорожным путям, убивая оказавшихся на нашем пути зомбаков. Кузьмич неотрывно держался рядом с Ведьмой, пытаясь помочь ей. Но она могла дать старому алкоголику большую фору, быстро работая катаной. Он только и мог, что с восторгом следить за её быстрыми и точными движениями, каждое из которых являлось смертельным ударом. Ведьма в свою очередь периодически морщила носик, наблюдая за Берсерком, который с «грацией» бегемота без всяких затей разбивал головы мертвецов своей огромной кувалдой. Я был рядом с женой, подстраховывая её, но она и сама неплохо справлялась с небольшим пожарным топориком. Конечно, не так зрелищно, как Ведьма и Берсерк, но, кроме них, у нас весь отряд одинаково и без затей подходил к вопросу убийства зомби.

Артём шел позади меня, его жены с нами в этот раз не было, а его любимый собеседник, Кузьмич, переключил всё своё внимание на Ведьму, поэтому Артём держался рядом с Витей, о чём-то тихо споря с ним, периодически обзывая его «пгизгаком коммунизма».

Добравшись до моста, мы прошли под ним и, повернув налево, двинулись по железнодорожным путям, удаляясь от станции «Придача». На рельсах мертвецов стало ещё меньше, редкие одиночки вовсе не замедляли скорость нашего передвижения. Я даже успел обернуться и рассмотреть в бинокль навечно замершие вагоны на станции. На разных путях стояли длинные вереницы вагонов различного назначения. Людей не было заметно, но я не верил, что такой лакомый кусок остался нетронутым и бесхозным.

Убив очередного мертвеца, который, судя по грязной и рваной жилетке, бывшей когда-то ярко-оранжевого цвета, являлся путейцем, мы свернули в гаражи. Если верить карте, пройдя гаражный кооператив, мы окажемся в паре домов от бандитского логова.

Перебравшись через невысокий забор, мы пошли вдоль гаражей, которые встречали нас раскученными распахнутыми воротами. В том, что кто-то методично вскрывал и обыскивал каждый гараж, не было ничего удивительного. Многие люди использовали их не только для ремонта и хранения своих автомобилей. Зачастую там имелись запасы картошки, солений и других продуктов, ради которых те, кто не успел в самом начале обрести запасы, теперь готовы были на что угодно.

Мертвецов в гаражном кооперативе практически не было. Видимо, этому способствовала закрытая территория и его месторасположение на самом отшибе. А также неизвестные мародёры, которые, прежде чем методично вскрывать гараж за гаражом, перебили всех мертвецов, о чём свидетельствовали валяющиеся на земле полусгнившие тела, которые нам периодически встречались.

Мы шли мимо раскрытых настежь ворот, убивая малочисленных зомби и разглядывая содержимое гаражей. Надежды найти в них что-то ценное не было, просто из праздного любопытства. Одинаковые снаружи кирпичные коробки с железными воротами сильно различались внутри.

Для кого-то гараж был просто местом, где стояла его машина. Некоторые автовладельцы любили сами чинить свои автомобили, делая свой гараж похожим на небольшую автомастерскую. Были те, у кого вообще не было автомобиля, а гараж использовался для хранения всякого хлама. А ещё был относительно небольшой процент людей, которые делали в гараже такой ремонт и обстановку, что изнутри он мало чем отличался от небольшой квартиры.

Сейчас мы обнаружили один из таких и остановились, рассматривая его. За раскрытыми воротами виднелись стены, аккуратно обшитые деревом. На полу лежал линолеум, поверх которого уложили ковер. У одной из стен стояла большая двухспальная кровать, у изголовья которой располагался столик со стульями. На противоположной стене висел средних размеров плазменный телевизор. Дальнюю стену занимал шкаф, холодильник и кухонный гарнитур с раковиной, чайником и микроволновкой. Всё это было настолько гармонично подобрано, словно делалось профессиональным дизайнером.

Кузьмич, осмотрев весь гараж, восхищенно прищелкнул языком и приговорил:

– Нифига себе гараж, не у каждого в доме так уютно...

– Тепеь он ничейный, можешь иногда жить тут, если вдруг захочешь уйти в очегедной запой. – подколот его Артём, и тут же получил гневный ответ от Кузьмича:

– Во пристал, гнида картавая! От твоих несмешных шуток можно тронуться умом, если не давать мозгу разгрузку чем-нибудь алкогольным. – огрызнулся Кузьмич и отошел подальше от Артёма, явно опасаясь продолжения шуток про его пагубную привычку.

Витя рассматривал гараж, заинтересованно сверкая очками. Дождавшись окончания дружеской перепалки, он проговорил:

– Слышал я, что чем вреднее у мужика жена, тем лучше у него гараж. Видимо, у этого бедолаги жена была настоящая мегера, и он практически жил в своём гараже.

Прервала обсуждения необычного гаража Ведьма:

– Не даром говорят, что мужики – это большие дети. Хорошо, что вы ещё не наткнулись на коллекцию игрушечных автомобилей. Вы не забыли, куда и зачем мы шли?

Она была права, и мы теряли драгоценное время, разглядывая этот необычный гараж. Повернувшись к ней, я ответил:

– Не ругайся, мы всё помним и пару минут нам погоду не сделают. – сказав это, я обратился к остальным. – Всё, посмотрели и хватит, мы уже почти добрались до цели, нужно быстрее занимать места для наблюдения.

После моих слов все прекратили восторженно рассматривать по-домашнему уютный гараж и продолжили движение дальше. Спустя 5 минут мы оказались у распахнутых настежь

ворот. Стоявшая рядом будка охранника носила следы погрома, все стекла в ней были разбиты, простенький пластиковый шлагбаум был сломан и валялся у забора.

Мы осмотрели местность, аккуратно выглядывая из-за угла. Сверившись с картой, решили разбиться на пары и поочередно перемещаться короткими перебежками от дома к дому.

Глава 3. Разведка бандитского логова

Пятиэтажного дома, который было решено использовать в качестве наблюдательного пункта и, возможно, в дальнейшем в качестве огневой позиции, мы достигли без происшествий. Пара мертвецов, которые шарахались неподалеку, увидев первую двойку, в которой были Артём и Ведьма, обрадованно побрели вслед за людьми, в надежде полакомиться их плотью. Заманив их в густые кусты, Ведьма быстро расправилась с ними с помощью своей катаны. Спрятав тела зомби в густом кустарнике, закидав их ветками, Артём подал знак, что всё нормально и следующая двойка может начинать свой забег.

Когда все собрались у стены дома, укрывшись за густой зеленой растительностью, то принялись осматривать окна первого этажа. Требовалось найти окно без решётки и попробовать проникнуть в квартиру не разбивая стекло, чтобы не привлечь ненужное внимание.

По закону подлости все стёкла в этой части дома были целыми. Но, поскольку район был старый, решётки стояли далеко не на каждом окне первого этажа. Артёму приглянулось одно из окон примерно в середине дома, с простой деревянной рамой. Он попросил Берсерка посадить его, и, пока Алёшенька без труда придерживал Артёма на весу, тот, достав небольшой складной ножик, принялся отгибать маленькие гвоздики. Быстро отогнув их, он аккуратно вынул тонкое прямоугольное пыльное стекло из рамы и положил его на подоконник.

Потом мы поочередно начали проникать в квартиру. Трудности возникли только с Берсерком, ради него пришлось мучиться и полностью вынимать раму из оконного проёма. По-другому, не разрушая её полностью, он просто не мог пролезть. После чего, под ворчание Кузьмича на тему непомерно отъеденной задницы, пришлось возвращать всё назад. Сначала раму, потом вынутое из неё стекло, высунувшись в форточку и прижав его на пару гвоздей.

Закончив маскировать следы проникновения в квартиру, мы некоторое время стояли молча, напряженно прислушиваясь. Не уловив подозрительных звуков, начали продвижение вглубь квартиры.

Первыми шли друг за другом Витя и Артём. Артём шёл с автоматом в руках, подготовленным для бесшумной стрельбы, Витя подстраховывал его с топориком. Такой порядок продвижения был выбран не случайно. Артём должен ликвидировать вооружённых людей, если они тут обнаружатся, а Витя мертвецов.

Конечно, против зомби Ведьма была более эффективна со своей катаной, но был ещё один фактор, определивший именно такой состав первой двойки: ребята были самыми технически грамотными из нас всех, поэтому в их задачу входило не только обнаружение и ликвидация противников, но и тщательный осмотр помещений на предмет различных ловушек.

Квартира, в которую мы проникли, была тщательно обыскана мародёрами. Об этом свидетельствовал беспорядок, царивший в ней, и выломанный замок на входной двери. После того, как её всю осмотрели на предмет неприятных сюрпризов Артём и Витя, я тоже из чистого любопытства быстро осмотрел её. В комнатах на полу валялась одежда и различная мелочёвка, на кухне были распахнуты все шкафчики и исчезло всё съестное. Ванная комната встретила меня пустыми полками, на одной из которых в стеклянном стакане сиротливо стояли две старые зубные щетки. Все средства гигиены и бытовая химия были вынесены неизвестными мародёрами вместе со съестными припасами.

Находиться дальше в опустошённой и пыльной квартире не было смысла, я подал знак Артёму и Вите, чтобы они начинали исследовать подъезд.

Дождавшись, когда они выйдут из квартиры, я вышел вслед за ними на лестничную клетку. Пока они неспешно её исследовали, тщательно рассматривая мусор на полу, я огляделся вокруг.

Железная входная дверь в подъезд была закрыта. Лестничная площадка первого этажа была погружена в полумрак, свет поступал только из подъездного окна с пыльными стеклами, между первым и вторым этажом. На полу валялось пару тел зомби, которым кто-то разбил головы. Трудно определить точный промежуток времени, когда их умертвили, но приблизительно месяца 2-3 тела тут уже пролежали. Все входные квартирные двери на первом этаже были выломаны и распахнуты настежь.

В качестве наблюдательного пункта было решено выбрать квартиры второго этажа. Сделано это было по ряду причин, основной из которых была возможность наблюдать за улицей и соседним домом, не подходя близко к окну, оставаясь в глубине комнаты, что снижало риск быть обнаруженными вражескими наблюдателями. Поэтому первоначальное решение обосноваться на последнем, пятом этаже, было изменено в пользу второго. Чтобы рассмотреть дворовую территорию или вести по ней огонь с пятого этажа, придётся стоять у самого окна и даже высовываться из него, и быть отличной мишенью. К тому же, человек, выискивая угрозу в доме напротив, психологически и неосознанно в первую очередь будет наблюдать именно за окнами первого и последнего этажа. Поэтому нам нужны были квартиры второго этажа, но для безопасности требовалось сначала исследовать все квартиры в этом подъезде. Неизвестно, как развернутся в дальнейшем события, и очень не хотелось, чтобы на звуки выстрелов пришли зомби. Или нарваться на ловушку во время поспешного отступления.

Пока я пребывал в раздумьях, стоя на площадке первого этажа, Артём и Витя успели, подсвечивая себе под ноги тонкими лучами фонариков, осмотреть остальные квартиры на первом этаже и начали подниматься по лестнице вверх. Я развернулся, посмотрел на толпившихся около двери квартиры товарищей и сказал:

– Первый этаж чист, главное, только не мелькайте в окнах и не зажигайте свет.

После чего, внимательно рассматривая пол перед каждым шагом, прежде чем поставить туда ногу, и стараясь не издавать шум, пошёл к подъездной двери. Дойдя до неё, я несильно толкнул её и, убедившись, что она закрыта, достал фонарик. Опасаться было нечего, окон тут не было, а железная дверь не пропускала снаружи дневной свет, а значит и снаружи никто не увидит свет от фонаря.

Яркий луч разогнал царивший тут полумрак, осветив красную железную дверь с выцветшей от времени краской. Дом был очень старый и требовал капитального ремонта. Это было заметно по входной двери, которая была деформирована от ударов ног различных хулиганов и давно требовала покраски. Её даже закрывал не домофон, а старый кодовый замок, на который, если бы была возможность сейчас взглянуть снаружи, сразу была бы понятна нужная для его открытия комбинация, по затёртым кнопкам.

Меня сейчас мало волновало состояние подъезда, который данным-давно требовал ремонта, который жильцы раньше видели только в виде отдельной графы, при оплате коммунальных услуг. Главное, что входная дверь была закрыта и, судя по слою пыли на полу перед ней, сюда давно никто не заходил.

Закончив с осмотром входной двери, я выключил фонарик и присоединился к остальным. Весь отряд, в ожидании, пока наши назначенные разведчики и сапёры в одном лице исследуют второй этаж, сейчас бродил по квартирам первого этажа, рассматривая их. Картина была везде примерно одинаковая. Внутри царил беспорядок, а всё, что могло представлять хоть какую-нибудь ценность, было вынесено мародёрами.

Было заметно, что грабили неспешно, обыскивая квартиру за квартирой, и забирали не всё подряд, а действительно необходимые вещи. В одной из квартир я обнаружил дорогой телевизор, который занимал полстены относительно небольшой комнаты, которая уже давно не видела ремонта. Выглядел он тут так же нелепо, как космический корабль, припаркованный в ржавом железном гараже. Судя по общей обстановке в квартире, хозяева ради него взяли большой кредит, если, конечно, не украли его. Мне было абсолютно фиолетово, откуда он тут

появился, но то, что его не забрали мародёры, говорило только об одном: квартиры вскрывали и обчищали не сразу, как появились мертвецы, а спустя пару-тройку месяцев, когда даже самые тупые осознали, что деньги, бытовая техника и многое другое, что ценилось до этого, стало никому ненужным хламом.

Минут через 15 скучную экскурсию по разграбленным квартирам первого этажа прервал Артём. Спустившись к нам, он доложил:

– Вторгой этаж мы полностью обследовали, можете пока занимать места и начинать наблюдение, а мы на всякий случай поведем остальные тги этажа.

Проговорив это, он развернулся и быстрым шагом ушел по лестнице наверх. Мы сразу последовали на второй этаж. Зайдя в одну из квартир, окна которой выходили на дом, в котором обосновались бандиты, я нашел спальную комнату, окно в ней не было зашторено. Прислонившись спиной к стене, я прошел так до угла и начал аккуратно выглядывать сбоку, рассматривая двор.

Увиденное мною из окна в точности соответствовало данным, которые нам предоставил разведчик Гестаповца. Неподалеку, напротив, располагалась точно такая же старая пятиэтажка, как и та, в которой сейчас находились мы, двор был полностью перегорожен двумя высокими заборами, которые соединяли между собой два дома. Заборы были сделаны коряво и нелепо, явно на скорую руку, но, несмотря на их внешний вид, были очень высокими и достаточно крепкими, что в современных реалиях являлось куда более важным параметром, чем красота.

Огороженная территория двора была полностью заставлена разнообразными машинами и напоминала открытую парковку, которые были когда-то в 90х годах. Машины были настолько разнообразные, что, рассматривая их первое время, я не мог понять, по какому принципу бандиты выбирали их. Тут были новые легковушки без номеров, которые стояли по соседству с потрёпанными жизнью собратьями, намотавшими не одну сотню километров на свои колеса. Рядом с легковушками возвышались различные грузовики, похожие на слонов, непонятно как оказавшихся в собачьем приюте.

Мой взгляд наткнулся на зеленый КамАЗ с черными армейскими номерами. Достав бинокль, я навел его на грузовик и заскрипел от злости зубами. Номера я не помнил, но множественные следы пулевых отверстий были отчетливо видны на водительской кабине, значит этот тот самый грузовик, в котором были убиты отец вместе с сыном, и из-за которого мы теперь тут.

Я убрал бинокль и принялся делать глубокие вздохи, стараясь успокоить себя. Злость сейчас опасна, скоро бандиты получат по заслугам, а пока мне нужно быть с ясными мозгами и беспристрастно наблюдать, стараясь не упустить ни единой мелочи из виду.

Я снова достал бинокль и принялся дальше рассматривать машины и двор. В груди у меня с новой силой принялся разгораться огонь ярости, стоило мне увидеть приметный автомобиль с рисунком волка, воющего на луну. В очередной раз отложив бинокль, я отошел от окна и закурил, стараясь успокоить нервы. В спальне находилась моя жена, она, сидя на самом краешке кровати, смотрела на моё лицо понимающим взглядом.

Передав ей бинокль, я сказал:

– Наблюдай за двором и домом, только аккуратно, не высовывайся, чтобы тебя не заметили, а я пока проверю остальных.

Она взяла бинокль из моих рук и, нежно проведя своей ладонью мне по щеке, ответила:

– Не переживай, не маленькая, справлюсь. Иди поговори со всеми, а то у тебя лицо бледное, как будто сейчас в обморок упадешь.

– Не упаду, но ты права, пойду посмотрю, как обустроились другие, заодно нервишки успокою, а то совсем не к чёрту стали.

– Не удивительно, последние полгода постоянный стресс и опасения за близких, нервам это точно не идёт на пользу.

– Всё, хватит тут из себя доктора строить. – оборвал её я и, быстро чмокнув её в губы, вышел из квартиры, решив проверить остальных членов отряда.

Согласно нашему плану, все четыре квартиры второго этажа должны были стать наблюдательными пунктами. Начать я решил с той квартиры, окна которой так же выходили на дом, в котором обосновались бандиты.

Зайдя в раскрытую настежь дверь, я сперва услышал тихий голос Кузьмича, а потом обнаружил их с Ведьмой на кухне. Ведьма рассматривала через щель в шторах двор, а Кузьмич, судя по всему, рассказывал ей о причине, по которой мы сейчас тут находимся. Увидев меня, он прервал свой рассказ и пошутил:

– Не успели заселиться, как начальство с проверкой пожаловало!

– Я просто пришёл в гости, работа тут не причём. – пошутил я в ответ.

Кузьмич заулыбался и, заговорщицки мне подмигнув, спросил:

– Не желаешь пару глотков самогона, настоящего на сухофруктах? Вкуснотища такая, чем-то напоминает сидор.

– Нет, спасибо, у меня термос с кофе, спиртное пока не хочу. Да и тебе советую воздержаться, нам тут не просто так сидеть весь день и полночи! Ещё пострелять и побегать придётся.

Кузьмич в ответ скорчил мне гримасу и показал язык. Ведьма, с улыбкой наблюдая за нами, проговорила:

– Не переживай, я прослежу, чтобы он был трезвый.

– Теперь я спокоен, главное – не отрезай ему сразу руку, ограничься на первый раз чем-нибудь другим. – пошутил я в ответ, на что тут же бурно отреагировал Кузьмич, театрально возведя руки к небу и закатив глаза, он запричитал:

– Господи, за что мне все это?! Они же изверги похуже фашистов, готовы человеку за выпитые 50 грамм ухо отрезать!

Дождавшись, пока Кузьмич закончит причитать, Ведьма, изогнув одну бровь домиком, глядя на него произнесла:

– А кто сказал, что ухо?

И тут же молниеносным движением выхватила свою катану. Меньше чем за секунду её рука прочертила короткую дугу, и конец лезвия замер в паре миллиметров от паха Кузьмича. Тот побледнел и, нервно сглотнув слюну, опустил глаза вниз, пробормотал:

– Ты, девочка, больше так не шути, а то пойдешь стирать мои штаны.

Ведьма убрала катану в ножны и, хитро сверкая глазами, ответила:

– Ещё чего, в твоём конфузе будешь виноват только ты! Поэтому сам пойдёшь стирать, или будешь в мокрых ходить, но тогда я точно не буду с тобой в одной квартире сидеть целый день!

Кузьмич горестно вздохнул и, посмотрев на меня, произнёс:

– Вали уже отсюда, я и так седой, а благодаря тебе мне тут чуть операцию по смене пола не сделали.

– Говорят, у кастратов голоса необычные, будешь на Рынке петь и горя не знать. – съязвил я и развернувшись пошел на выход из квартиры, слушая доносящийся мне в спину отборный мат Кузьмича, который, не стесняясь присутствия Ведьмы, высказывал всё, что думал о моих словах.

С улыбкой на лице я зашел в следующую квартиру и обнаружил там Берсерка. Он придвинул небольшой кухонный стол почти вплотную к окну и, достав из своего рюкзака еду, стоял жевал, задумчиво глядя через пыльное стекло на улицу. Нисколько не удивившись хорошему аппетиту великана, я спросил:

– Что, Алёшенька, стоя больше влезает?

Повернувшись ко мне, Берсерк невозмутимо посмотрел на меня своим необычным взглядом кристально чистых голубых глаз и ответил:

– Мне всегда хорошо влезает, а тут я, вообще, не обедаю, а решил сделать небольшой перекус, чтобы не было скучно. На улице только пару мертвецов бродят вдалеке и больше ничего интересного.

Я оглядел разложенную перед ним на столе снесь, которую ему заботливо утробовала в рюкзак бабулька, и усмехнулся. То, что он назвал легким перекусом, могло быть полноценным обедом для двух здоровых мужиков. Ладно, пусть перекусывает. Главное, что в окно смотрит и сам не отвечивает, чуть позже к нему присоединится Виктор. После того, как закончит вместе с Артёмом осматривать подъезд и квартиры в нём. Пожелав Алёшеньке приятного аппетита, я оставил его поглощать еду и направился в четвертую квартиру.

Последняя квартира на этаже оказалась пустой, что было не критично, поскольку её окна выходили на ту сторону, которую просматривал Берсерк. Решив, что лучше пока что подстраховать его, я зашел в спальню и, придвинув поближе к окну найденное тут кресло, уселся на его спинку. Берсерк был прав, с этой стороны смотреть на улицу действительно было скучно, только несколько зомбаков бесцельно бродили вдалеке.

Погрузившись в размышления, я просидел минут 40, наблюдая за пустынной улицей, и очень обрадовался, когда услышал шаги и ко мне в комнату вошли Артём и Витя. Увидев взволнованный взгляд последнего, я спросил:

– Что вы там нашли?

– Тебе это точно не понравится! – эмоционально выпалил Виктор.

Я вопросительно посмотрел на Артёма, тот кивнул головой, словно подтверждая слова своего напарника, и произнёс:

– Люди не сами покинули этот дом, их всех убили, навегху мы обнагужили богатскую могилу.

– Показывайте. – коротко ответил я и закурил сигарету.

Поднимаясь вслед за нашими разведчиками по лестнице, я на ходу выкурил её большими затяжками. Уже на уровне третьего этажа, несмотря на то что я курил, в ноздри ударил неприятный запах смерти.

Остановившись на лестничной площадке пятого этажа перед закрытыми дверьми, Витя произнёс:

– Мы уже насмотрелись и ещё раз нет желания туда заходить.

– Хорошо я схожу, в какой квартире тела? – спросил я, стоя на лестничной площадке, где находились четыре плотно закрытые двери со следами взлома. Вонь тут была настолько концентрированная, что я не смог разобраться, из какой квартиры она шла.

Артём убрал со своего лица платок, который сильно пах одеколоном и закрывал его нос с губами, и, сплюнув на пол, ответил:

– Заходи в любую – не ошибёшься – они все завалены телами.

Проговорив это, он вернул платок себе на лицо. Я в очередной раз мысленно укорил себя за отсутствие противогаза и, достав из кармана чистый кусок ткани, попросил:

– У кого с собой перебивалка вони, дайте мне брызнуть.

Виктор молча протянул мне небольшой темно-синий флакончик с одеколоном, я щедро полил им чистую ткань, которую все носили с собой для подобных случаев, и завязал её у себя на лице, скрывая рот и нос. В мозг тут же ударил сильно концентрированный сладковатый запах одеколона. Вернув флакончик Виктору, я толкнул ближайшую к себе дверь и шагнул внутрь квартиры.

Сильная вонь разложения тут же смешалась с запахом одеколона и чуть не вызвала рвотный позыв. На пятом этаже в дневное время заметить луч фонаря было практически невоз-

можно, если не направлять его на окна, поэтому я достал маленький фонарик, на котором можно было регулировать размер светового пятна, и включил его.

От увиденного у меня от ужаса зашевелились волосы. За последние полгода я повидал немало всяких страстей. На моих глазах убивали, сжирали заживо. Трусами различной степени свежести меня тоже уже не удивить, насмотрелся.

Но в этой квартире действительно была настоящая братская могила, с наполовину сгнившими телами людей. Трупы занимали всё свободное пространство квартиры, валяясь в беспорядке на полу, который был полностью покрыт зловонной чёрной жижей. Почерневшая плоть начала местами отслаиваться от пожелтевших костей. Казалось, что плоть таяла, как воск черных свечей, стекая на пол, а останки людей смотрели на меня пустыми черными провалами глазниц, обнажая в зловещем оскале почерневшие зубы. Но самым мерзким было то, что множество белесых червей заполнили квартиру. Опарышей было настолько много, что, казалось, весь пол квартиры живой и постоянно шевелится. Я с омерзением посветил на свои ноги и увидел, как белые маленькие червяки ползают по моим берцам.

С трудом переборов невыносимое желание выбежать из этой квартиры, я побрел в спальню. Светя себе фонарём под ноги на пол, я старался не наступать на людские останки и не думать о том, что моя нога наступала на слизкую черную жижу и копошащихся в ней белесых опарышей.

Борясь с тошнотой, я быстро обследовал всю квартиру. Поначалу я пытался считать тела, но быстро бросил эту затею из-за ухудшающегося самочувствия. На моё счастье, все окна в квартире были распахнуты настежь, благодаря этому тут можно было дышать через раз, не выплескивая содержимое желудка наружу, хотя, при виде живого белесого копошащегося ковра из червей, к горлу периодически подкатывало.

Осмотрев ужасную квартиру, которая стала могилой для большого количества людей, я как пробка из бутылки выскочил на лестничную площадку. Плотно закрыв за собой дверь, не говоря ни слова, побежал вниз, мимо Артёма и Вити, в квартиру, где засели Кузьмич и Ведьма.

Увидев меня, они прервали свою беседу, Кузьмич спросил:

– Что случилось? Ты весь бледный, словно за тобой гонится привидение!

– Давай свою фляжку с самогоном. – проигнорировав его вопрос, сказал я.

Кузьмич удивленно вскинул брови и молча протянул фляжку со спиртным. Я скинул с лица воняющую одеколоном повязку и сделал три больших глотка. Самогон приятно обжег горло и вытеснил противный запах разложения, который, несмотря на раскрытые настежь окна и пропитанную одеколоном повязку, проник в носоглотку и засел там.

В спальню вошли Артём и Виктор, как раз в тот момент, когда я протягивал фляжку с самогоном, возвращая её законному владельцу. Артём молча выхватил её из моей руки и под возмущённым взглядом Кузьмича по-взрослому отпил из неё, протянув её Виктору. Нервы Кузьмича не выдержали, и он разразился:

– Я хрен пойму! Совсем недавно мне запретили сделать пару глотков под угрозой кастрации, а теперь вы тут в наглую выхлебали почти всю мою фляжку, не говоря при этом ни единого слова!

Я окинул взглядом удивленного Кузьмича с Ведьмой и Артёма с Витей, лица последних были действительно бледными. Подумав, что у меня лицо сейчас, судя по словам Кузьмича, точно такое же, я ответил:

– Не борогозь! Сейчас твой вкусный самогон – самое лучшее лекарство. На последнем этаже такой пи...ц, что хоть глаза самогоном промойвай после увиденного. Ты спрашивал про привидение? Я не верю в призраков, но не удивлюсь, если с наступлением темноты в этом проклятом доме сама начнет двигаться мебель и будут происходить другие непонятные вещи.

Кузьмич внимательно слушал меня, недоверчиво заглядывая мне в глаза, явно пытаюсь понять, говорю я правду или мы от скуки решили его разыграть, да ещё при этом внаглую

выпить его самогон. Витя протянул ему изрядно опустевшую фляжку. Кузьмич потряс её, прикидывая, сколько спиртного осталось, и, сделав пару больших глотков, надёжно спрятал её за пазуху. Ещё раз внимательно осмотрев нас, он согласился:

– Вижу по вашим бледным рожам, что вы не шутите. Так объясните нормально, с чем связано ваше неожиданное нападение на мой самогон!

Артём присел на круглую табуретку и ответил:

– На последнем этаже все 4 квагтигы завалены наполовину газложившимися телами людей. Кто-то целенаправленно отводил их туда, как на скотобойню, и хладнокровно убивал.

Кузьмич, выслушав его ответ, выругался матом и полез за пазуху, но, поймав красноречивый взгляд Ведьмы, отдёргнул руку, словно вместо фляжки там оказался какой-нибудь раскалённый предмет, и спросил:

– Тут тоже проклятые сектанты зверствовали?

– Не похоже на их работу. Несмотря на массовые убийства, нигде не видно их каракулей, которые они обязательно рисуют повсюду кровью своих жертв. Но я осмотрел только одну их четырёх квартир, что в других? – ответил я Кузьмичу и задал вопрос Вите и Артёму, которым хватило выдержки осмотреть все четыре квартиры последнего этажа.

Виктор стоял молча, подпирая стену и протирая выступивший на лысине пот. Артем, сидя на табуретке, крутил между пальцами здоровенный желто-латунный патрон от своей любимой снайперской винтовки и любовался его золотистым блеском. Не прекращая вращать патрон между пальцев, он ответил:

– Да во всех квагтигах все идентично. Людей заводили туда и убивали, как баганов, а тела просто оставляли на полу. Никаких сатанинских символов или других знаков мы не обнагужили ни в одной из квагтиг. Сдаётся мне, что это не сектанты зверствовали.

Ответил Артём необычно грустным для него голосом и опять сосредоточился на блеске патрона, который он ловко крутил между пальцев. Похоже, даже у него от увиденного начали сдавать нервы, мозг пытался включить защитный механизм и абстрагироваться от увиденного.

Зато Виктора, похоже, наоборот, увиденное поразило настолько, что ему необходимо было высказаться. Периодически вытирая пот на лысине, который от волнения никак не прекращал выделяться, он, быстро произнося слова, затараторил:

– Я готов поставить свои любимые очки против пустой бутылки из-под джина, что это работа ублюдков, за чьими головами мы пришли. Сектанты те ещё твари, которых, следуя заветам великого Сталина, следует расстреливать на месте, но это не их почерк: никаких пыток, рисунков кровью и других богомерзких штучек, как правильно сказал Артём, без которых они не обходятся. Тем более, за пределы центра они начали выползать относительно недавно, не считая редких случаев. А судя по состоянию тел, с момента массового убийства прошло много времени. И убивали бедолаг расчетливо и хладнокровно, сгоняя в квартиры на последнем этаже, чтобы тела не валялись по всему подъезду. Даже все окна раскрыли, а входные двери в квартиры, наоборот, закрыли, чтобы спокойно обыскивать весь подъезд, не задыхаясь от вони разлагающихся тел. Поэтому всё указывает на бандитов по соседству. Наверное, сначала они грабили редких прохожих и нападали на автомобили, а после того, как разжились огнестрельным оружием, осмелели и решили перебить всех соседей.

Высказавшись, Витя взял ещё один табурет и, усевшись на него, принялся протирать и без того кристально чистые линзы очков. Артём всё так же молча вращал патрон, смотря на него, как загнипнотизированный. Кузьмич, бешено сверкая глазами, нервно играл желваками, что свидетельствовало о его крайней степени злости. Сейчас весёлый престарелый алкоголик был похож на опасный вулкан, готовый взорваться в любую секунду. У Ведьмы было каменное лицо, а глаза блестели холодным металлом. Посмотрев на блестящий патрон, который крутил пальцами Артём, она спросила:

– Ребят, а у вас есть какие-нибудь пули, чтобы эти уроды умирали мучительно?

– Нет, у нас обычные патроны, но их можно легко пегеделать в экспансивные. Или газгивные, если говогить пгостым языком. Такой патгон, пги попадании в мягкие ткани, гезко увеличивает свой диаметр, нанося сильнейшие повгеждения внутгенних огганов. Если вас, конечно, не останавливает запгет втогой междунагодной Гаагской конфегенции, котогый уже более ста лет запгещает подобные боепгипасы. – ответил Артём, на что Кузьмич отреагировал удивленно, возмутившись:

– Ты чё, картавый, умом тронулся? Эти изверги перебили огромное количество людей, а ты тут про запреты и гуманизм втираешь! Я помню, как подобные патроны делать, такое «за речкой» практиковалось, несмотря на запрет.

– Успокойся, я пошутил пго гуманизм и запгет. Каждый из этих угодов несомненно заслуживает получить пулю с кгестообгазным пгопилом.

– Я тебе говорил, что у тебя дурацкие шутки? – укоризненно смотря на Артёма, произнёс Кузьмич.

Артём улыбнулся и, перестав крутить патрон, посмотрел на Кузьмича и ответил:

– Ты всё вгемя какую-то хегню несешь, а я её мимо ушей пгопускаю. Пойду лучше понаблюдаю за нашими пготивниками и скоготаю вгемя, делая на пулях пгопилы.

– Ой, тоже мне умник нашелся. Ты, наверное, даже не знаешь, как правильно сделать насечки, чтобы пуля в теле раскрылась и устроила там настоящую мясорубку. Приходи через пару часов, батя тебе покажет эталонную самодельную экспансивную пулю.

– Тоже мне батя нашелся! Кгоме, эталонного похмелья, ты мне вгляд ли что-то сможешь показать.

– Ах ты щегол картавый, я делал пропилены на патронах, когда ты ещё под стол пешком ходил и не знал, как пахнет порох, только какашки в своём горшке нюхал! Вызов принят, народ нас рассудит, у кого лучше получились экспансивные пули. – азартно сверкая глазами, проворчал Кузьмич.

Закончив разговор спором о том, кто лучше сделает экспансивные пули, мы договорились, кто в какой квартире будет сидеть в качестве наблюдателя. Кузьмич и Ведьма стались там, где и были, поочередно смотреть за двором и домом, где обосновались наши враги. Я, по просьбе Артёма, уступил ему вторую квартиру, окна которой выходили туда же. Сам с женой перебрался в квартиру, которая была никем не занята, а Витю приставил к Берсерку.

Выполнив подобную рокировку, я сидел рядом с женой и смотрел из глубины спальни на улицу. Где, не считая пары бесцельно шляющихся мертвецов, ничего заслуживающего нашего внимания не происходило. Оставшись с женой наедине, я рассказал ей о страшной находке. Выслушав меня, она с ужасом произнесла:

– Что же произошло с людьми за столь короткое время, они стали хуже зверей... Чем нужно руководствоваться, чтобы перебить толпу людей?

– Не знаю, чужая душа – потёмки. Могу только предположить, что уроды почувствовали безнаказанность и упивались своей властью над безоружными жильцами, терроризируя их. А в какой-то момент решили, что им не нужны лишние рты по соседству. Да и, наверное, опасались, что даже самые покорные и испуганные люди могут поднять бунт и броситься на обидчиков с голыми руками. В общем, если не брать во внимание количество убитых, то ими была выбрана одна из двух основных моделей нового мира – стать хищниками и убить всех остальных людей поблизости. Хотя, на мой взгляд, это тупиковая модель и вопрос времени, когда за твоей головой придёт более сильный хищник.

Всё же модель добрососедства даёт большие шансы выжить. Но всякие отморозки не желают делить оставшиеся припасы поровну, считаться со слабыми стариками и детьми, как с равными. Им хочется сытно и вкусно есть, заботиться только о своей заднице и не быть отягощёнными ответственностью за беззащитных людей. Вот и выбирают они путь, который

кажется им более легким, но неумолимо ведёт к гибели. Не приди мы за ними, позже пришёл бы кто-то другой.

– Согласна, вседозволенность и безнаказанность, обрушившись на головы людей, которые уже привыкли жить по правилам, многих лишила рассудка и способности трезво мыслить. Всякие уроды сразу ринулись восполнять то, чего раньше не получали.

– Честно говоря, у меня и так настроение ниже фарватера после увиденного наверху, поэтому совсем нет желания обсуждать человеческие комплексы и пороки.

Больше часа мы провели за разговорами, вспоминая приятные и смешные моменты из уже прошлой, веселой и беззаботной, жизни, которую не вернуть.

Нашу беседу прервал звук заводящегося двигателя машины, почти сразу завелась вторая, мы прекратили разговаривать и стали смотреть в окно. Сквозь шум работающих машин слышались голоса людей. Потом раздался металлический звук открывающихся ворот, и машины тронулись.

Наконец мы увидели в окно проезжающие мимо два автомобиля. Первым ехал уже печально известный нам внедорожник с приметной аэрографией, вслед за ним большой пикап, с целой гирляндой мощных фар на крыше и огромными внедорожными колесами с зубастой резиной. Тоже довольно приметная машина, но про неё мы ничего не слышали. Проводив взглядом удаляющиеся автомобили, пока они не скрылись из виду, я сказал жене:

– Сиди тут, к окну близко не подходи, я пойду поговорю с остальными.

Первым делом я зашел в квартиру, где расположились Кузьмич и Ведьма. Они оживлённо переговаривались, я прервал их разговор, произнеся:

– Кузьмич, пойдём со мной, проведем Артёма. А ты наблюдай дальше, скоро верну твоего подопечного. – посмотрев на Ведьму, добавил я.

Кузьмич быстро сгрёб со стола, на котором россыпью валялись патроны, несколько штук, и мы покинули квартиру. Артёма мы застали что-то быстро записывающим карандашом в небольшой блокнотик. Увидев нас, он произнёс:

– Ага, пгискакали, я знал, что вы пгипгетесь.

– Что-то ты негостеприимный хозяин, таким я обычно не наливаю. – бросил в ответ Кузьмич и плюхнулся задницей на кровать. Я примостился рядом и начал разговор:

– Давайте, рассказывайте, что вы видели за это время, а то я замучился наблюдать за парой мертвецов, машины тоже видел, проехали до дороги и свернули в сторону авиазавода. Больше ни хрена интересного.

Пока Артём делал пометки в блокноте, Кузьмич закурил сигарету и пожаловался:

– Тебе хотя бы курить не запрещают, а моя Ведьма – самая настоящая ведьма! Говорит мне: «Хочешь курить – вали из квартиры и там кури», как будто купила эту квартиру и только сделала в ней ремонт. – жалобно произнёс он, а после с удовольствием сделал пару глубоких затяжек и, пуская сизый дым в потолок, продолжил. – А так, рассказывать особенно нечего, у нас тоже никаких движков не было, только недавно начался оживляж. Вышло четыре мужика и две бабы, прыгнули по разным машинам и укатили. Один из них ворота открыл, а когда они уехали, закрыл за ними и ушел обратно в дом.

Артём, услышав слова Кузьмича, ухмыльнулся и произнёс:

– Наблюдатель из тебя, как из говна – пуля. Навегное, всё вгемя только и делал что патроны угодовал, да Ведьму пожигал глазами.

Кузьмич от таких обвинений забыл, как дышать, и уставился на Артёма, выпучив глаза. А потом его прорвало, он дрожащим от негодования голосом ответил:

– Слышь, картавый! Ты говори, да не заговаривайся! Сам ты говно, из картавого говна! Нормально я наблюдал, не отлынивал, и пули я, кстати, сделал нормальные, твоим до моих далеко!

Артём весело засмеялся и, отложив блокнот с карандашом, ответил:

– Не оги, как бабка базагна, тебя все хогошо слышат. Если ты действительно смотгел в окно, то скажи мне, какие из квагтиг используют бандиты в качестве жилья и где у них сидит наблюдатель?

– Да я откуда знаю, где они сидят? Нашел гадалку по клит..ру. – удивленно и немного растерянно ответил Кузьмич, справедливо опасаясь, что Артём не просто так задал эти вопросы и, скорее всего, знает на них ответы. Артём, словно ожидая подобный ответ от Кузьмича, радостно заулыбался и, взяв в руки блокнот, произнёс:

– Я так и знал, что ты нифига не заметишь! Даже подготовиться успел к твоему пгиходу и минуте позога. Вот, смотгите!

С этими словами он развернул к нам блокнот, в котором жирными буквами было написано: «**Кузьмич слепой еб..н**».

Я думал, что там будет действительно что-то важное, и не ожидал увидеть такое. Судя по отвисшей челюсти Кузьмича, лицо которого наливалось дурной кровью, он тоже был удивлён коварством картавого. Не выдержав, я присоединился к весёлому смеху Артёма, а Кузьмич стоял красный, как варёный рак, глядя на него исподлобья. Дождавшись, пока мы насмеёмся, он выпалил:

– Ха-ха-ха, как смешно, мне подобные записки казались смешными в классе пятом, а вы, два великовозрастных дебила, всё ещё ржёте над подобным, как будто застряли в развитии. И вообще, я требую, чтобы ты, картавая паскуда, обосновала свои слова! А то сейчас ты похож на пустозвона, который сотряс воздух ничем не подкреплённым заявлением в попытке выставить меня дураком.

Артём сделал серьёзное лицо и ответил:

– Не пегеживай, сейчас я нагисую тебе доказательства.

И взял в руки карандаш и перевернул страницу в своём блокнотике. Кузьмич резко подскочил к нему и, вырвав блокнот из рук Артёма, произнёс:

– Давай нормально уже говори, почему я плохой наблюдатель, если ты собрался ещё одно обзывательство написать, то я не ручаюсь за себя, всеку тебе по-взрослому!

Артём, в глазах которого скакали весёлые черти, оценивающе посмотрел на Кузьмича и спросил:

– Это с каким вкусом самогон позволяет настолько сильно вегить в свои силы?

Видя, что Кузьмич уже на взводе, я вмешался и произнёс:

– Всё, пошутили и хватит, вернёмся домой, там будете соревноваться в остроумии. Артём, если тебе есть что добавить к словам Кузьмича, мы внимательно слушаем.

Артём перестал улыбаться и проговорил:

– Бандиты обосновались в пегвом подъезде, на тгетьем этаже, я видел в бинокль движение в двух квагтигах, гасположенных гядом. Наблюдательный пост или один из постов, который мне удалось обнагужить, находится на пятом этаже. Количество людей и частоту смены кагаула я пока не знаю, слишком мало вгемени пгошло.

Артём закончил свой доклад. Кузьмич, выслушав его, задумчиво поскрёб затылок и проговорил:

– Ладно, картавый, вынужден согласиться, ты глазастее меня, я этого не видел.

Внезапно мне пришла идея и я тут же озвучил её:

– Я тут подумал, может, попробовать устроить засаду на тех, кто недавно уехал на двух автомобилях?

Все заинтересованно посмотрели на меня и задумались. Первым ответил Кузьмич:

– А что, неплохая идея. Считай, сразу половину отряда перебьём. Я – за.

Проговорил он и вопросительно посмотрел на Артёма, который всё ещё размышлял над моими словами. После недолгих раздумий Артём согласился:

– Согласен, идея интегесная, ликвидировать половину банды, устроив засаду на дороге, менее гискованно, чем в темноте штурговать их убежище, когда они там всеми окопаются.

Новый план требовал обсуждения и корректировки, поэтому я созвал всех в одну из квартир. Примерно полчаса ушло на обсуждение мелочей и распределение новых ролей.

Благодаря коллективному разуму, в котором, помимо мужского опыта, присутствовало женское коварство, идея с банальной засадой на дороге переросла в более сложную многоходовую операцию. Причем первым ходом с нашей стороны должна была стать атака на бандитов, которые остались в здании. Из всех рассмотренных нами вариантов этот оказался самым лучшим. Рассчитывать на то, что члены банды не поддерживают радиосвязь, было глупо. Куда поехали два автомобиля, мы не знали, следовательно, засаду можно было устроить только на дороге поблизости от их базы. А на таком расстоянии даже самые дешёвые рации позволяют осуществлять переговоры. Поэтому автоколонна бандитов с большой степенью вероятности успеет передать по рации на базу, что они подверглась нападению. После чего те, кто засел в логове, максимально усилят бдительность и выковыривать их из обустроенных огневых точек будет крайне тяжело и опасно.

И совсем другой расклад получался, если начать атаку с обстрела бандитов, которые остались на базе. Если убить одного или двух, то уцелевшие тоже займут оборону, но их будет меньше, что снизит опасность последующего штурма. К тому же, вопли по рации о нападении на базу должны заставить тех, кто уехал на двух машинах, вернуться как можно быстрее на помощь своим друзьям. А спешка, как известно, не способствует бдительности и осторожности. Поэтому расстрелять из засады автомобили, за пару километров от бандитского логова, не составит труда. После чего нам останется только зачистить здание, добив жалкую горстку уцелевших бандитов.

Вроде всё выглядело легко, но расслабляться не стоило, малейшая ошибка может обернуться потерями. После гибели Кирилла произошло понимание, что вероятные потери бывают не только в теории, но и, к сожалению, на практике тоже. Поэтому к вопросу разделения отряда мы подошли очень тщательно.

Когда-то я слышал, что для успешной засады или штурма здания желательно иметь минимум двукратное численное преимущество над противником. К сожалению, у нас его не было, поэтому нужно было максимально использовать фактор внезапности и предварительное планирование.

Мы разделились на две группы. В первой группе были те, кто оставался тут и должен был сделать первый ход. Для этого требовался точный стрелок, которым был Артём, и пара человек для прикрытия. На эти роли определили Берсерка и Ведьму. Со своими любимыми оружиеми убийства они вполне успешно могли дать бой в замкнутом пространстве, прикрывая Артёму спину.

Во вторую группу, которая должна была участвовать в засаде, вошли Витя, Кузьмич и я с женой. Четыре вооружённые автоматами человека, при грамотном расположении на огневых позициях, должны превратить два небронированных автомобиля в решето, убив всех, кто находится внутри.

Прежде чем выдвигаться на поиски места для засады, мы устроили быстрый перекус, чтобы утолить чувство голода, которое постепенно усиливалось. Если учесть совершённый до этого марш-бросок и время, проведенное тут, это было не удивительно.

Утолив чувство голода и восполнив силы, мы ещё раз обсудили всякие нюансы касательно радиосвязи, которую решено было использовать только в случае крайней необходимости и если что-то пойдет не по плану. Договорились о контрольной точке сбора, в том случае, если потребуется спасаться бегством. Обсудив все детали, мы взяли свои рюкзаки и оружие, пожелав друг другу удачи отправились искать место, подходящее для засады.

Выбирались из дома тем же путём, которым сюда попали. Аккуратно вынув стекло из рамы, все выбрались на улицу и вернули его на место, слегка прижав двумя небольшими гвоздиками. Нам нужно было за 20 минут найти место для засады и занять позиции. По истечении этого времени Артём при удобном случае начнёт отстрел бандитов. Звуки выстрелов послужат нам сигналом о начале операции, всё было предельно просто.

Мы продвигались короткими перебежками, от укрытия к укрытию. Кроме немногочисленных мертвецов, поблизости никого не должно было быть, но лучше перестраховаться, чем словить пулю, поэтому приходилось быстро бежать, виляя и пригибаясь к земле, мысленно представляя, что твой силуэт сейчас кто-то пытается поймать в прицел, держа палец на спусковом крючке. От таких мыслей невольно начинали появляться мурашки и громко биться сердце. Но вместе с этим появлялись прилив сил и желание как можно быстрее юркнуть в густые кусты, чтобы не находиться на открытом пространстве.

По мере нашего передвижения в сторону авиазавода, приходилось разбираться с мертвецами. К счастью, их было немного. По-тихому проломив очередному любителю свежей плоти голову пожарным топориком, мы затаскивали тело в кусты или прятали в одной и многочисленных машин, в беспорядке брошенных повсюду.

Место для засады было решено сделать неподалёку от проходной авиазавода, рядом с памятником самому лучшему и самому массовому штурмовику Второй мировой войны – самолёту Ил-2, который гордо возвышался на своём постаменте над опустевшим городом.

После него дорога делала поворот, а значит бандитам придётся снизить скорость. К тому же, пространство было открытым, и засаду тут они вряд ли будут ожидать, а найти место, где спрятаться, при желании не составляло особого труда. Поскольку у нас такое желание было, то мы занимали места таким образом, чтобы простреливать дорогу на всём её протяжении и самим не оказаться под перекрёстным огнём друг друга.

Получилось, что две огневые позиции были в начале короткого отрезка улицы, рядом с самолетом, и две в самом конце, где дорога делала поворот. Первая двойка должна была, не жалея патронов открыть огонь по правой пассажирской стороне автомобилей. Если они смогут проскочить их, то в дело вступала вторая двойка, щедро поливая свинцом уже левые водительские стороны автомобилей.

При распределении мест я немного схитрил, и первая позиция, в которой были моя жена и Кузьмич, была в 20 метрах от дороги, чтобы максимально обезопасить их. Вторая точка, откуда будем вести огонь мы с Виктором, находилась всего в 5 метрах от дороги и была более рискованной.

Расчет был на то, что выжившие после первой атаки бандиты сосредоточат своё внимание на правой стороне дороги, откуда по ним началась стрельба. Мы с Витей сможем практически в упор расстрелять машины, появившись с левой стороны, откуда нас не ждут. Приоритетной целью были водители: если машину удастся обездвижить, то, окружив её, можно увеличить дистанцию и расстреливать её, как мишень в тире, прячась за укрытием.

Это только в фильмах во время перестрелки возможно открыть дверь и, спрятавшись за ней от пуль, огрызаться, стреляя в ответ. В реальной жизни пули прошивали кузова обычных небронированных автомобилей насквозь. Только передняя часть, в которой располагался блок двигателя, представляла для них непреодолимое препятствие. Но мы не просто так заняли позиции для атаки сбоку, где располагались двери и стёкла, которые не были преградой для пули, выпущенной из автомата с близкого расстояния.

Наша с Виктором огневая позиция находилась совсем рядом с дорогой, в густой поросли кустов. Чтобы нас не было заметно, мы поочерёдно делали вылазки к другим кустам и срезали с них ветки, которыми обложили себя со всех сторон. Теперь нам оставалось только терпеливо ожидать появления автомобилей с бандитами. Мой компаньон не любил сидеть молча в

тишине, зато очень любил различные истории, связанные с разными пересудами нашей страны. Поэтому, как только мы уселись, обложившись срубленными ветками, он произнёс:

– Ты посмотри на этот самолёт! Он участвовал в войне, лежал в болоте, когда его подбили фашисты, и сейчас гордо возвышается над городом, безмолвно наблюдая за гибелью человечества.

Я какое-то время своей жизни, в юности, жил неподалеку и этот самолет видел множество раз. Даже лазил вместе с другими детьми по скользкой наклонной колонне, на которой стоял самолет, поэтому его вид меня несколько не удивлял, скорее, вызывал некоторые приятные воспоминания из детства. Но после слов Виктора я повернул голову вправо и посмотрел на самолет, который находился в самом начале небольшого сквера имени Циолковского.

С нашей позиции вид на самолёт был с хвоста. Виднелась его синяя, цвета летнего солнечного неба, нижняя часть, с большими красными звёздами на крыльях и черными муляжами авиационных бомб. Виднелся зеленый хвост, на котором тоже была нанесена большая красная звезда. Поскольку я его видел неоднократно, и он на протяжении всей моей жизни оставался неизменным, я ответил:

– Витя, я тут раньше жил и много раз его видел.

– А его историю знаешь?

– Вкратце знаю. Этот самолет не новодельный макет, а реальный участник боевых действий. Был где-то сбит, в послевоенные годы найден, восстановлен, и стал памятником, который мы сейчас видим.

Витя заинтересованно смотрел на меня, сверкая от любопытства глазами. Услышав мой ответ, он бросил быстрый взгляд на самолет и, повернув ко мне лицо, проговорил:

– Хорошо, что ты хотя бы тезисно знаешь его историю. Меня всегда огорчал тот факт, что современное поколение не интересуется своими корнями, живёт не зная истории, не зная о подвигах и жертвах, которые совершали их предки, завоёвывая им мирное небо над головой ценой своих жизней. К сожалению, у нас много красивых памятников, но очень редко на них можно найти описание истории, которая зачастую интересна и важна как для ребятни, которая играет рядом с самолетом, так и для туристов из других городов или даже стран. А у нас обычно пишут только о том, в честь чего и когда он установлен. В лучшем случае, на памятнике будет «висеть» небольшое описание на ламинированном выцветшем листе А4 с потёкшими от капель дождя обрывками текста.

Рассказ Виктора прервал прозвучавший громкий выстрел со стороны дома, где находилась часть нашей группы. Почти сразу прозвучал второй выстрел, а после этого раздались более тихие автоматные очереди. А потом наступила тишина, как будто только что поблизости не произошла ожесточённая перестрелка. Витя посмотрел на меня и произнёс:

– Что-то слишком громкие выстрелы. Похоже, Артём решил побаловаться и стрелял со своей «слонобойки».

– Скорее всего, да. А автоматы – это уже ответка пошла.

– Значит, начало положено, ждём гостей.

Пока мы ожидали появления автомобилей с бандитами, Витя успел мне поведать историю самолета, который после войны подняли из болот и даже сняли об этом небольшой фильм «Это было под Ракитным».

На звуки выстрелов в нашу сторону стали выползать из ближайших дворов мертвецы. Их было немного и нас они не видели, но появились они крайне не вовремя и могли создать проблему, поскольку брели, не разбирая дороги, и легко могли пройти рядом и случайно обнаружить нас. Перебить небольшую группу зомби, которые, к тому же, шли не единой толпой, а были разрознены, не составляло труда. Больше пугала вероятность, что именно в это время могут появиться машины с бандитами, и тогда весь наш замысел с неожиданным нападением из засады полетит к псу под хвост.

Мои опасения оказались напрасными. Потревоженные выстрелами мертвецы прошли в стороне от нас. Только один из них проковылял по скверу, где мы затаились. Витя, дождавшись, когда он окажется рядом с нашим укрытием, тихо произнёс:

– Кыс-кыс-кыс.

Мертвец ошалело уставился на Виктора, который выполз из куста, держа топорик в руках, а потом, радостно оскалившись, поковылял навстречу к нему, издавая тихое рычание и протягивая вперед руки. Витя хладнокровно пробил ему череп топором и произнёс:

– Не протягивай руки, а то протянешь ноги.

После чего затащил тело в соседний куст и спрятал его. Вернувшись назад, он снова уселся рядом со мной и принялся накидывать на себя ветки. Дождавшись, пока он закончит маскироваться, я спросил:

– Ты чего, зомби звал, как кота?

– Да какая разница, как его звать, если он на любой звук одинаково отреагирует?

– Тоже верно. – согласился я, и, достав сигарету, пряча огонёк в кулаке, закурил.

Появления бандитов нам пришлось дожидаться ещё почти час. Когда я услышал звук приближающихся автомобилей, сердце радостно заколотилось, усиленно гоня кровь. Ну наконец-то! Настало время пострелять, я снял автомат с предохранителя и с металлическим лязгом передернул затвор.

Глава 4. Ликвидация банды

По дороге в нашу сторону, громко урча двигателями, мчались два автомобиля, которые мы уже заждались. В бинокль было видно пассажира в первой машине, который одной рукой держал рядом с лицом рацию, а другой размахивал, нервно жестикулируя. Машины мчались на огромной скорости, следуя друг за другом, явно спеша на помощь своим товарищам, которых успел обстрелять Артём.

Я отложил бинокль на землю и крепко сжал автомат, мысленно начиная считать секунды. В этом отсчёте не было смысла, он просто отвлекал меня и немного успокаивал. Машины приближались к первой точке обстрела, я почувствовал, как у меня начинает закипать кровь и дрожать руки от сильного всплеска адреналина. Витя тоже заметно нервничал, его лысина покраснела, в глазах появился безумный блеск, он всё время норовил поправить очки, которые и так находились на месте и не сползали с переносицы.

Как только первый автомобиль поравнялся левым бортом с памятником-самолетом, воздух разорвало злобное стрекотание двух длинных автоматных очередей. С громким металлическим лязгом пули впивались в незащищённые бока машин. Звонко брызнули на асфальт разбитые боковые стекла, а лобовые покрылись трещинами.

Первая машина, с приметным рисунком волка, который выл на луну, немного вильнув, помчалась в нашу сторону, прибавляя скорость. Второй повезло меньше: сильно вильнув, она врезалась передним колесом в высокий бордюр и с грохотом покувыркалась, теряя фары, которые были установлены на крыше. Сделав два оборота, пикап приземлился на крышу и замер, беспомощно вращая мощные внедорожные колеса.

Я сосредоточился на внедорожнике, который приближался к нам. Быстро переглянувшись с Виктором, мы одновременно выскочили из кустов и начали стрелять практически в упор по уцелевшей машине. Нужно отдать должное водителю, реакция у него была отменная. Как только мы выскочили из укрытия, он заметил нас и мгновенно изменил траекторию движения, резко вывернув руль вправо. Автомобиль от многочисленных пулевых отверстий стал похожий на решето, а из-под его капота вырывался пар из пробитого пулями радиатора охлаждения. Но, несмотря на многочисленные повреждения, машина, повинаясь рулю, резко повернула вправо и, с грохотом перепрыгнув высокий бордюр, понеслась между деревьями, напрямую, через заросли кустов. Я подумал, что ещё немного, и бандиты смогут скрыться от нас, непонятно каким чудом пережив обстрел из четырёх автоматов. Но чудеса не случилось, раздался сильный удар и звук сминаемого металла. Машина на большой скорости врезалась в огромный тополь с толстым стволом, практически обняв его своей передней частью.

Бросив быстрый взгляд на пикап, который лежал вверх колесами с другой стороны дороги, мы с Виктором побежали в сторону едва не вырвавшегося из засады автомобиля. Пикапом должны были заняться Кузьмич с моей женой, мы заранее оговорили вариант, при котором машины неприятеля будут остановлены в разных местах. При таком раскладе каждая группа брала на себя ближайший к ней автомобиль, чтобы добить выживших и выгрести трофеи. Поэтому, оставив перевернутый пикап первой группе, мы с Виктором, перебегая от дерева к дереву, продвигались к внедорожнику, который практически стал единым целым с деревом.

Вряд ли после такого плотного автоматного огня практически в упор и сильного удара внутри кто-то сможет оказать вооружённое сопротивление, но я не изменял своему принципу и предпочитал лишний раз перестраховаться. Поэтому, подобравшись поближе, мы спрятались за стволами деревьев и аккуратно выглядывали, стараясь разглядеть, что происходит в салоне автомобиля.

Сам автомобиль, в результате столкновения с деревом, получил сильные повреждения передней части. Морду смяло настолько сильно, что передние двери деформировались и вряд ли их возможно открыть без инструментов. На белой подушке безопасности неподвижно лежал водитель с окровавленным лицом, больше в салоне никого не было видно. Держа автомобиль на прицеле, мы, обходя его с разных сторон, начали медленно приближаться.

В салоне, помимо уткнувшегося в руль неподвижного водителя, обнаружился ещё один мертвый бандит. От удара его тело отбросило между сидений, выгнув в неестественной позе. На теле пассажира были множественные пулевые ранения, откуда все ещё сочилась кровь. Скорее всего, урод умер ещё до того момента, как автомобиль врезался в дерево.

Водитель, в отличие от своего беспечного пассажира, оказался более удачливым и предусмотрительным. На нем был надет черный бронежилет, который принял на себя часть пуль, которые должны были прошить ублюдка насквозь. К тому же хитрый гад был пристегнут ремнём безопасности и не вылетел со своего места, как его пассажир.

На этом удача предусмотрительного бандита кончилась. Из левого плеча, куда угодили пули, обильно сочилась кровь, ноги уroda оказались намертво зажаты деформированным от сильного удара металлом. Выбраться без посторонней помощи он бы не смог, даже если бы на его теле не было ранений. Всё лицо было перепачкано кровью из разбитого подушкой безопасности носа.

Пока я осматривал салон автомобиля, Витя пощупал пульс на шее у водителя и удивленно сказал:

– Офигеть, этот урод живучий, как таракан! Прикинь, после всего он не сдох, а просто находится в отключке.

– То, что у него прощупывается пульс, не означает что он выживет, даже если его отвезти в нормальную больницу с реанимацией, которые остались в далеком прошлом.

– Тем не менее, ему продырявили шкуру из автомата, после чего он сильно впечатался в дерево и всё еще не сдох! – поражённо проговорил Виктор, с любопытством разглядывая лежащего без сознания на рулевом колесе водителя.

Я оставил Витю восторгаться живучестью бандита и побежал к другой машине, чтобы проверить, как обстоят дела там. Судя по тому, что было тихо и никто не стрелял, скорее всего, там все мертвы.

Рядом с перевернутым пикапом суетились Кузьмич и моя жена. Увидев меня, Кузьмич показал поднятый вверх большой палец, а когда я подошел ближе, доложил:

– Тут все двухсотые, кто-то свинца наелся, кто-то был слишком крут, чтобы пристёгиваться, и свернул себе шею. – радостно отрапортовал он и спросил. – А у вас там что? Я, когда увидел, как машина на полной скорости залетела на бордюр и прошуршала напролом через кусты, уже подумал, вы их упустите.

– Не упустили, один наглушняк, у водилы вроде пульс прощупывается, но, скорее всего, скоро сдохнет, не приходя в сознание. – ответил я, удовлетворяя любопытство Кузьмича и, присев на корточки, заглянул в салон автомобиля.

На светлой обшивке потолка лежали три истекающих кровью тела: два женских и одно мужское. Голова одной из девушек была сильно вывернута назад и вбок. Бронежилетов ни у кого из троих не было, зато у всех на руках были черные кожаные перчатки с обрезанными пальцами, которые, по мнению некоторых, придают им крутой вид. Может, выглядело это и круто, но от многочисленных пуль, неоднократно прошивших тела троих, не помогло.

Внимательно осмотрев тела, я даже не стал пытаться нащупать пульс, многочисленные раны и остекленевшие глаза позволяли с уверенностью сказать, что в этой машине живых нет. Вряд ли кто-то будет по ним горевать, уроды наверняка оставили за собой длинный кровавый след, загубив немало людей.

Пока я сидел на корточках, рассматривая тела в перевёрнутой машине, Кузьмич, весело насвистывая, выгребал из неё трофеи. Моя жена помогала ему в этом, направляясь к дороге и собирая то, что вылетело из салона во время зрелищных кульбитов, которые крутил автомобиль, когда вылетел с дороги.

Вернувшись с разнообразным барахлом в руках, она положила всё на землю около машины, оставив только рацию, которая сильно пострадала, и спросила:

– В первой машине рация цела? Было бы интересно послушать, что вопят те, кого обстрелял Артём.

Я посмотрел на обломки радиации в её руках, они уже не подлежали восстановлению, и ответил:

– Я не смотрел барахло в той машине, убедился, что уроды не смогут пальнуть в спину, и сразу пошёл смотреть, что тут у вас.

– Ладно, сейчас закончим марадёрить эту машину, и посмотрим. – ответила жена, всё ещё непонятно зачем держа в руках рацию.

Оглядевшись вокруг, я увидел ковыляющих в нашу сторону мертвецов. С учётом того, что мы неслабо на шумели, это было вполне ожидаемо. Взял в руки часть трофейных вещей, которые были свалены в одну кучу, глядя на жену, я произнёс:

– Выкинь нахрен эту разбитую рацию! Хватаем трофеи и бегом ко второй машине, пока зомбаков мало! А то сейчас со всего района эти твари припрутся, чтобы посмотреть, кто тут шумит, не хватало нам ещё тратить на них время и боеприпасы.

Супруга посмотрела на свои руки, как будто совсем забыла, что всё ещё держит повреждённую бандитскую рацию, и кинула её на землю. Распределив с Кузьмичом поровну остатки вещей из кучи, они забрали все трофеи, и мы побежали к первой машине.

Пока я отсутствовал, Витя время зря не терял, он успел выгрести все полезные вещи из машины и теперь стоял, задумчиво смотря на водителя. Кузьмич пару раз провёл ладонью перед лицом Виктора и спросил:

– Ты чё, его гипнотизируешь, чтобы в следующей жизни он коммунистом стал?

Витя от неожиданности моргнул и, повернувшись к Кузьмичу, ответил:

– Какая ещё, нахер, следующая жизнь? Не марай коммунизм, приплетая к нему уродов, которые только на корм для червей пригодны.

После его слов я вспомнил квартиру, полную полуразложившихся трупов и копошившихся в черной жиже белых червей, и мне стало дурно. Делая глубокие вдохи, я проговорил:

– Нужно хватать добро и валить отсюда, пока зомбаки со всего района не подтянулись.

Витя закрутил головой, смотря через линзы очков поочередно то на меня, то на уткнувшегося в руль окровавленного водителя. Кузьмич, недоумевающе смотря на него, поинтересовался:

– Что с тобой происходит? У тебя сейчас голова открутится и упадет! Может, тебе требуется помощь? Не знаю... гимн СССР включить? Или просто дать отцовского леща?

– Себе дай леща. Я думаю – что с выжившим бандитом делать?

Моя жена и Кузьмич удивленно переглянулись. Кузьмич недоверчиво посмотрел на неподвижные окровавленные тела в салоне автомобиля и спросил:

– Я чёт не пойму, кто из этих жмуров, по-твоему мнению, выжил?

– Водила жив, у него прощупывается пульс. – спокойно, как ребенку, ответил ему Виктор.

Кузьмич недоверчиво ухмыльнулся и, приложив палец к шее водителя, замер. Глаза недоверчивого старого алкоголика удивленно расширились, отдернув руку, он произнёс:

– Действительно, живучей козёл! Что же с ним делать?! Может, в жопу его поцеловать?

Заметив наши недоуменные взгляды, Кузьмич грязно выругался и произнёс:

– Сжечь его нахер прямо в его сраной тачке, чтобы на его похороны сбросились мертвецы!

Достойная компашка для провождения в ад подобного ублюдка!

Моя жена поморщилась и спросила:

– Не слишком жестоко?

– Слишком мягко, ибо я не уверен, что он вообще почувствует боль, которую заслужил. Правильно на Рынке делают, что вешают подобных ублюдков над воротами, устраивая из этого кровавое шоу в назидание другим. – ответил Кузьмич и полез во внутренний карман своего кителя.

Достав изрядно опустевшую фляжку с самогоном, он сделал глоток и довольно крикнул, не изменяя своей традиции, после чего без малейшего сожаления вылил остатки спиртного на переднее колесо автомобиля. Достав сигарету, он сначала прикурил её, а после поднес зажигалку к колесу, которое облил самогоном.

Желтый язычок пламени робко лизнул мокрую резину и отпрянул, словно испугался, но спустя секунду накинулся на неё и стал быстро разрастаться, меняя свой цвет с желтого на интенсивно синий. За несколько секунд синее пламя расплзлось по всему колесу.

Кузьмич, довольный собой, гордо произнёс:

– Видите, как горит? Вот это настоящий продукт, сделанный с душой, а не всякая херня, которую вы любили раньше пить.

Все заворуженно смотрели на необычно синее пламя, которое окутало колесо. Витя, не отрывая зачарованного взгляда от огня, ответил Кузьмичу:

– Это ты вообще-то был любителем выпить всякую херню, типа настойки боярышника и прочей бормотухи.

Кузьмич болезненно сморщился, услышав про своё прошлое, и примирительно ответил:

– Ну ладно, один раз – не пи... хм, ладно, не один, а много. Каюсь-грешен.

Оторвав взгляд от колеса, окутанного огнем, я огляделся. Мертвецов становилось всё больше, некоторые, особенно расторопные, уже достигли перевернутой машины и шли в нашу сторону. Времени точить лясы не было, я произнёс:

– Нужно уходить, хватайте вещи и валите отсюда.

Разобрав трофеи из двух машин, мы стали похожи на навьюченных мулов. Оставив разгорающийся автомобиль позади, мы шагали к дому, где засела вторая половина нашей группы. Кузьмич пребывал в прекрасном настроении и его тянуло поболтать. У меня закралось подозрение, что глоток самогона был далеко не единственным. Скорее всего, оставшись без призора Ведьмы, старый алконафт, пока никто не видит, успел залить душевные раны чем-то достаточно крепким, и теперь ему нужны были свободные уши и благодарные слушатели. К сожалению, зомбаков он в этой роли не рассматривал, поэтому слушать его пришлось нам. Кряхтя под тяжестью трофеев, он сказал сквозь тяжелое дыхание:

– Рано мы ушли, даже жареным мяском ещё не запахло!

– Замолчи! Мне сейчас плохо станет! – произнесла моя жена, у которой действительно лицо побледнело.

Кузьмич, сделав виноватое выражение лица, ответил:

– Ладно, меняю тему. Давайте я вам лучше расскажу одну веселую историю из моей прошлой жизни. Как правильно заметил наш четырёхглазый почитатель Маркса, был в моей жизни этап, когда я пил всё, что можно и нельзя, не обращая внимания на вкус и на то, каким пламенем это горит. Главное – горит и торкает. Компания была у меня соответствующая. Бедную Лесю вы видели, другие мои собутельники тоже не были замечены в порочных связях с людьми из приличного общества. Одним словом, конченные алкоголики и маргиналы, у которых в этой жизни только одна проблема – всегда нужно тушить вечно горящие трубы.

Хоть это было давно, но я это как сейчас помню, в тот день у Коли однозуба был день рождения, а это великий повод выпить, даже несмотря на то, что настоящим ценителям спиртного повод особенно не нужен. Я в честь такого светлого дня распотрошил свою заначку и шел на праздник с набором настоящего джентльмена. У меня была с собой бутылка водки, да не

какой-нибудь паленой, с димедролом, от которой на утро череп раскалывается, а настоящая, из магазина, с акцизкой, всё чин-чинарём. Помимо бутылки цивильной водяры, я тараканил банку малосольных огурцов и жирную солёную селедку, завернутую в газетку, поистине царский закусон!

Однозуб жил на окраине города. Когда я вошел к нему во двор, там уже собрался почти весь бомонд. Весело шумя, народ, разгорячённый спиртным, поприветствовал меня, сразу налили штрафной стакан, который я с удовольствием осушил. А потом появился Коля, радостно улыбаясь своим единственным уцелевшим зубом, он вцепился мне в рукав и потащил меня в огород, где стоял стол с бухлом и закусоном. Во дворе стоял божественный аромат жареного мяса, такую роскошь мало кто из моих знакомых мог себе позволить даже на свой день рождения. Мой рот наполнился слюной, Однозуб заметил это и ехидно спросил:

«– Кузьмич, мне кажется, ты сейчас слюнями захлебнешься! Хочешь шашлычка?»

Я сглотнул заполнившую рот слюну и ответил:

– Конечно, я давно мясо не жрал, а тут такой вкусный аромат, что можно с ума сойти!

– Понимаю, но вынужден тебя огорчить. Час назад у меня сосед уснул пьяный с сигаретой и сторел заживо, поэтому пахнет жареным мясом. Откуда у меня бабки на шашлыки, скажешь тоже!»

Янка резко остановилась, бросила трофеи на землю и зажала рот руками. Витя грязно выругался, хотя обычно его ругательства были более изящными и интересными. Я сделал пару глубоких вдохов, стараясь успокоиться и не выбить зубы шутнику, которые он радостно скалил в улыбке, смотря на наши лица.

Моя жена, отпив воды из фляжки, спрятала её обратно в рюкзак. Повернувшись к Кузьмичу, она произнесла:

– Я надеюсь, никто сильно не будет возражать, если по возвращении домой я отправлю этого несносного подонка?

Кузьмич, видимо, осознав, что переборщил со своими шутками–прибаутками, перестал улыбаться. По–хорошему, ему следовало устроить взбучку, но сейчас на это не было времени, с каждой минутой мертвецы, потревоженные звуками выстрелов, приближались всё ближе. Поэтому мне оставалось лишь тяжело вздохнуть, наградить Кузьмича недобрый взглядом и сказать:

– Нам нужно срочно уходить, а Кузьмича я сам позже придушу!

Супруга подняла с земли трофеи, мы продолжили движение. До нужной нам многоэтажки добрались без проблем. Вынув из рамы стекло, сначала подсадили Янку, потом передали ей трофейные вещи и залезли сами, вернув стекло на место.

Начав подниматься по лестнице, я заметил настороженно выглядывающую из-за перил сверху Ведьму. Её нахмуренное лицо расплзлось в красивой улыбке, как только наши взгляды встретились. Приветливо помахав нам ладошкой, она сказала:

– Рада вас видеть в целостности и сохранности! А то мы тут все испереживались, слушая автоматные очереди и не зная, как у вас там всё прошло. Поднимайтесь на третий этаж, мы, на всякий случай, сменили место дислокации.

Поднявшись по лестнице, мы первым делом освободили руки, свалив на пол добытые в бою трофеи. Артём смотрел на нашу добычу, держа в руках свою здоровенную винтовку. Дождавшись пока мы разгрузимся, он произнес:

– К окнам близко не подходите, бандиты вгоде затихагилась и не стгеляют, но лучше не гисковать. Как там у вас всё пгошло?

Мы рассказали про то, как расстреляли машины бандитов. Алёшенька не смог побороть любопытства и направился в одну из квартир. Благо, её окна располагались на противоположной стороне от бандитского логова, поэтому никто не стал его останавливать. Высунув голову в форточку, он осмотрел улицу, после чего вернулся к нам и разочарованно сказал:

– Соседние дома мешают, ничего не видно. Только черный дым к небу поднимается.

Поскольку мы рассказали, как всё прошло у нас, настала очередь Артёма рассказывать, по кому он стрелял. Артём не стал томить нас любопытством, усевшись на пол он, любовно поглаживая свою снайперскую винтовку, начал свой рассказ:

– Вы ушли, я подождал оговорённое время и начал кагаулить свою жегтву. А тут пгямо как в той поговогке, в котогой на ловца звегь сам бежит. Смотгю, из двеги подъезда во двог стал нагод выползать. Только на бандитов они вовсе не похожи, все какие-то замызганные, в гязных шмотках и зашуганные. Тут я вовгемя вспомнил, что газведчик Гестаповца упоминал о том, что бандиты дегжат в габстве мигных жителей, поэтому не стал по ним стгелять, а пгодолжал смотгеть, что будет дальше. Габы газвели костёг неподалеку от подъезда, вытащили большой казан и пгинались в нём что-то вагить. За всё это время я не видел ни одного бандита, только иногда в окне пятого этажа мелькал силуэт наблюдателя.

Спустя полчаса моё тепнение было вознаграждено. Из подъезда появился один из ублюдков. Он сильно отличался от испуганных и гязных людей, котогые готовили еду на костге, поэтому пегепутать его с габами было невозможно. В чистой одежде, с довольной улыбкой на наглой морде, он напгавился к казану, дегжа в гуках золотого цвета ложку. Это был шанс стопгоцентно завалить одного и сгазу попгобовать снять наблюдателя. Единственное, чего я боялся – зацепить невинных людей, котогые были гядом с костгом.

Стою я и смотгю чегез оптический пгигел, как ублюдок пгиближается к костгу, что-то говорит, улыбается, а у меня палец так и чешется нажать на спусковой кгючок. Но нельзя, гядом стоят невинные люди и мешают пгоизвести чистый выстрел! И тут фогтуна мне улыбнулась, он подошел к казану, наклонился, пытаясь вдохнуть агомат еды и зачегпнуть пищу ложкой. Получилось, что он оказался левым боком ко мне и его голова была пгямо над казаном. На ггаектогии полёта пули никого не было, я выстгелил.

Пуля пгошибла голову ублюдка, он свалился замегтво, опгокинув казан, а я тут же пегеместил пгигел в окно, где до этого мелькал силуэт наблюдателя, и сделал втогой выстгел. Не знаю, зацепил я втогого бандита или нет, мне пгишлось быстго падать на пол, угоды откгыли ответный огонь из автоматов. Пгавда, стгеляли они недолго, выпустили пагу очегедей по окнам втогого этажа и затихагились. С тех пог я никого из них не вижу, засели, гады, в своём логове.

Артём закончил свой рассказ. Кузьмич, раздираемый любопытством, аккуратно выглянул из-за шторы во двор и, удивленно присвистнув, сказал:

– Нихера себе! Мне, конечно, нисколько не жалко этого уроды, но ты своей гаубицей разнёс ему голову и оторвал полруки.

Ухмыльнувшись, Ведьма прокомментировала слова Кузьмича:

– Я то же самое сказала, когда после выстрела Артема я оглохла, а у бандита оторвало руку с ложкой и голова разлетелась, словно арбуз, упавший с 12 этажа. Незабываемое зрелище, скажу я вам, когда мозги вперемешку с осколками костей брызгают в разные стороны, а тело падает в казан и переворачивает его. Бедные люди, которые полчаса варили еду, прежде чем в панике забежать в подъезд, полностью опустошили содержимое своих желудков.

Слушая всё это, я особенно не удивился, учитывая немалый калибр винтовки Лобаева, ожидать что пулевое отверстие окажется маленьким и аккуратным, было глупо. Меня больше волновал вопрос, как теперь выковыривать оставшихся бандитов из их логова. Налив себе из термоса сладкий теплый кофе, я сделал пару глотков и резюмировал:

– Итогом нашей операции стало сокращение банды на 6 человек. Это очень хороший результат, только теперь нужно думать, как ликвидировать остальных. Теперь, когда они заняли глухую оборону, штурм становится весьма рискованным мероприятием. Не будь там рабов, я бы предложил окружить дом с разных сторон и поджечь его к чертям собачьим, но, поскольку там невинные люди, это недопустимо, и я не знаю, что делать. Если у кого-то есть мысли по этому поводу, самое время ими делиться.

В квартире наступило молчание, началась игра в гляделки. Все молча смотрели друг на друга, ожидая, у кого первого появится идея. Пожалуй, только Берсерк сильно не утруждал себя раздумьями и с аппетитом жевал здоровенный бутерброд.

Спустя пару минут молчания, в голове Виктора зародилась идея. Он по привычке поправил очки и, возбужденно сверкая глазами, сказал:

– Как выковырнуть уродов – я не знаю, но нужно постоянно держать их в нервном напряжении.

Все с интересом уставились на него, ожидая продолжения. Пока Витя задумался, пытаюсь сформировать свои мысли дальше, Кузьмич нетерпеливо потребовал продолжения идеи:

– Сказал А – говори Б! Ты собираешься произвести психологическую атаку, непрерывно читая им лекции про коммунизм и его плюсы?

Витя раздраженно поморщился и ответил:

– Если бы мобильная связь не упала, то тебя в своём телефоне я бы обозвал «Генератор бредовых идей».

Кузьмич хотел что-то сострить в ответ, но я не дал ему раскрыть рот и произнёс:

– Завянь, шутник херов, ты сегодня уже достаточно накаламбурил.

Повернувшись к Виктору, я сказал:

– Давай развивай свою мысль, что ты там придумал?

Витя подозрительно покосился на притихшего Кузьмича и сказал:

– Ничего нового я не придумал, подобные приемы используются уже давно. Нужно держать противника в постоянном напряжении, периодически обстреливая дом, желательно со всех стволов и с разных позиций. Тогда они поймут, что нас много, и начнут нервничать.

Идея, в принципе, была неплохой, только вот опять разделять отряд не очень хотелось. Поэтому, еще немного обдумав предложение Виктора, я это озвучил:

– В целом мысль здравая, но разделять отряд, окружая дом со всех сторон, очень не хочется.

Артём, выслушав всех, предложил:

– Предлагаю поступить следующим образом: все начинают периодически обстреливать дом, в котором укрылись остатки банды, используя каждый газ новые квагтигы на газных этажах, а в это время пага человек незаметно выбегутся во двог.

Все молчали, обдумывая сказанное Артёмом. Я не совсем понимал его затею, но уточнить ничего не успел, меня опередил Кузьмич. Нахмутив свои кустистые брови, он проговорил:

– Слышь, картавый, я вроде не тупой, но твой план настолько гениален, что я не могу понять, на кой леший два человека должны шарахаться по улице, изображая из себя мишени? В чём тайный смысл данного мероприятия, которое должно быть связано с психологическим давлением на уцелевших бандитов? А то я тут вижу только наши задницы, подставленные под пули!

Решив, что спор может тянуться бесконечно, я предложил:

– Всё, хватит галдеть! Под пули никто лишний раз подставляться не будет. Я согласен с тем, что бандитов нужно заставить понервничать, поэтому поступим следующим образом: я вместе с Яной проберусь в дом, который расположен с другой стороны от бандитского логова, это будет им сюрпризом, на случай если они примут решение по-тихому слинять, а вы развлекайтесь, стреляя по дому, главное – помните, внутри есть невинные люди, поэтому палить вслепую по всем окнам не нужно.

– Кстати, они могли уже давно слинять, как только поняли, что подкрепление, на которое они надеялись, попало в засаду. – предположила Ведьма, поочередно смотря на нас.

О таком варианте я, честно говоря, не подумал. Будет очень обидно, если уроды по-тихому ускользнули, не люблю незавершенные дела. В любом случае, нам требовалось начинать действовать, сидеть тут, попусту теряя время, было бессмысленно, поэтому я сказал:

– Будем надеяться, что они, повинаясь инстинктам, засели в здании, которое даёт чувство мнимой безопасности, в отличие от улицы, где испуганному человеку за каждым кустом будет мерещиться затаившийся противник.

– Будем на это надеяться. Вам 20 минут хватит, чтобы пробгаться на новую огневую позицию? – спросил Артём.

Я быстро прикинул в уме и ответил:

– Да за глаза. Через 20 минут начинайте напрягать ублюдков, только смотрите сами под пули не подставьтесь. Хранить радиомолчание уже нет смысла, поэтому, если что-то пойдёт не по плану, смело вызывайте нас по рации. Ну и свои не забудьте включить, чтобы я мог до вас, при необходимости, докричаться.

Завершив обсуждение наших дальнейших действий, я накинул свой рюкзак за плечо и взял автомат в руки. Жена в точности повторила мои действия, выйдя из квартиры мы стали спускаться на первый этаж. Осмотрев улицу из окна и не обнаружив там опасности, я в очередной раз отогнул два гвоздика и вытащил стекло из рамы, выбравшись на улицу, вернул стекло на место, мы начали по большой дуге обходить бандитское логово.

Немногочисленные мертвецы, потревоженные звуками выстрелов, нам практически не мешали. Используя кусты и деревья как укрытия, страхуя друг друга, мы быстро пробирались к своей цели. За всё время, проведённое нами на улице, я своим топориком успокоил двух зомби, имевших неосторожность оказаться на нашем пути. Остальные даже не заметили нас, либо теряли из виду, как только мы ныряли в очередные заросли кустов.

Наконец мы оказались во дворе очередной пятиэтажки. На наше счастье, двери подъездов выходили на противоположную от бандитского логова сторону и нам не пришлось снова лезть через окно первого этажа. Остановив свой выбор на угловом подъезде, я потянул старую железную дверь на себя, но она оказалась закрыта. Осмотрев кнопки кодового замка, я без труда определил нужную комбинацию и нажал одновременно на три кнопки. Раздался тихий металлический щелчок замка, я медленно потянул дверь на себя, прислушиваясь к звукам.

Дверь противно заскрипела давно не смазываемыми петлями, заставляя меня мысленно выругаться матом. Сколько раз в подобной ситуации я говорил себе кинуть в рюкзак маленький тюбик с маслом, чтобы, прежде чем открывать подобные двери, обливать петли маслом, и всегда забывал это сделать дома.

Приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы можно было втиснуться внутрь, я заглянул в подъезд и прислушался. Ни единого звука, внутри стояла мертвая тишина. Мы вошли в подъезд, я закрыл за нами дверь, защелкнув замок. Некоторое время молча стояли на месте, пытаюсь уловить какие-нибудь звуки и давая зрению привыкнуть к царившей тут полутьме.

Дождавшись, пока глаза привыкнут к скудному освещению подъезда, я повесил автомат на грудь и взял в руку пожарный топорик. Если откуда-нибудь выскочит зомби, я его тихо упокою, а если их окажется много, тогда отпрыгну назад, а моя супруга угостит их свинцом из автомата. Конечно, такой расклад весьма нежелателен, он выдаст наше местонахождение противникам, но, когда речь идёт о спасении собственной шкуры, такие вещи становятся не важны и отходят на второй план.

Идя впереди, я крепко сжимал рукоять топорика и напряженно вглядывался в полумрак. Двери квартир первого этажа были выломаны и распахнуты настежь. Я уже догадывался, что увижу внутри, но на всякий случай решил проверить одну из квартир и подтвердить свои догадки.

Выбрав квартиру, окна которой были со стороны подъездов, чтобы бандиты не заметили меня, я достал маленький фонарик и включил его. Обшаривая темную квартиру лучом света, я зашел внутрь. Мои догадки оказались верны, в квартире царил бардак, а всё, что представляло хоть какую-нибудь ценность по нынешним временам, отсутствовало. Судя по нетронутому толстому слою пыли на полу, мародёры обчистили её уже давно. Сложив дважды два, я

пришел к выводу, что на последний этаж лучше не подниматься, дабы не лицезреть ещё одну большую братскую могилу. Поэтому, выйдя из разграбленной квартиры, мы стали подниматься по лестнице на второй этаж, внимательно смотря себе под ноги.

К счастью для нас, кроме разнообразного неопасного мусора, никаких неприятных сюрпризов-ловушек на лестнице не было. Двери квартир второго этажа были ожидаемо распахнуты настежь, все замки грубо выломаны. Быстро осмотрев все четыре пустые квартиры второго этажа, я оставил жену в одной из них наблюдать за домом, в котором засели бандиты, а сам вернулся на лестничную площадку. Поскольку нас тут всего двое, то не будет лишним немного подстраховаться на случай появления незваных гостей.

Являясь вполне обычным человеком, я не мог, как герой крутого боевика, смастерить мину из говна и палок, которая способна выкосить целую толпу врагов, рискнувших сунуться в этот подъезд, поэтому я поступил проще и скромнее. Выкрутив из соседних квартир все лампочки, я снял с одной из подушек наволочку и сложил их туда. Потом, закрывшись в ванной, чтобы сильно не шуметь, положил наволочку на пол и принялся давить подошвой берца хрупкие лампочки, стараясь при этом не опускать ногу полностью, чтобы осколки были покрупнее.

На лестничную площадку я вернулся, держа в руках наволочку, полную стеклянных осколков от раздавленных лампочек. Надев на руку дешёвые тактические перчатки, чтобы не порезать пальцы, я принялся раскладывать крупные осколки по лестничной площадке, стараясь замаскировать их различным мелким мусором.

Не успел я закончить свою кропотливую работу, как зазвучали выстрелы, послышался пронзительный громкий свист и отборный мат, который в паузах между выстрелами хрипло орал Кузьмич. Значит, началась активная фаза операции по оказанию психологического давления на бандитов. Вынужден признаться, что, даже находясь через один дом от того места, откуда велась стрельба, громкие звуки выстрелов щекотали нервы, а что говорить о бандитах, чей дом сейчас интенсивно обстреливали? Они слышали, как пули, жужжа, словно рассерженные шмели, рассекают воздух и с громким звуком врезаются в кирпичную стену, периодически рикошета, издавая при этом пронзительный свист. Такое определенно должно заставить изрядно нервничать уцелевших бандитов.

Пока я думал всё это, руки не прекращали раскладывать по полу стеклянные осколки. Закончив свою работу, я сделал шаг назад в квартиру и полюбовался результатами. Получилось вполне недурно, небольшие стекла оказались прикрыты мелким мусором, пройти пару шагов, не наступив на них было невозможно, а значит громкий хруст ломаемого под подошвой стекла известит нас о наличии в подъезде незваных гостей. Не сказать, что это прям суперзащита, но точно лучше, чем вообще ничего.

Плотно прикрыв входную дверь в квартиру, замок, которой был безнадежно испорчен, я позвал жену на помощь. Вдвоем мы скрутили простынь в подобие толстой веревки и, привязав один конец к дверной ручке, другой её конец нарастили ещё одной простыней и привязали к водопроводной трубе в туалетной комнате. Теперь дверь просто так с наружи не открыть, и можно приступить к наблюдению за домом, в котором укрылись бандиты, не опасаясь внезапной атаки в спину.

Спрятавшись за шторой, я быстро высунул руку и немного приоткрыл окно, чтобы лучше слышать звуки с улицы. Похоже, мои друзья решили дать волю фантазии, и теперь в перерывах между выстрелами каждый поочередно что-то кричал, видимо, пытаясь окончательно сломить психику уцелевшим бандитам.

Если Кузьмич просто и без затей крыл отборным матом, стараясь как можно сильнее оскорбить их, то Виктор подошел к этому процессу более творчески. Надрывая голос, он кричал такие угрозы, как будто за его спиной действительно собралась вся красная армия и у бандитов единственный шанс избежать мучительную смерть – это пустить себе в лоб пулю. Всё это

чередовалось громкими одиночными выстрелами из автоматов. Артём, Ведьма и Берсерк молчали, предоставив право демонстрировать своё ораторское искусство Кузьмичу с Виктором.

Примерно полчаса мы, затаившись на втором этаже, наблюдали за домом бандитов, пытаясь заметить движения в окнах или попытку бегства из обстреливаемого дома, что было немного затруднительно, потому что окна первого этажа они предусмотрительно намертво заложили белым кирпичом, сделав первый этаж здания глухой стеной. Наша скука была прервана в тот момент, когда выстрелы в очередной раз утихли и внезапно ожила рация. Удивленный голос Артёма произнёс:

– Тут что-то странное происходит, из дома с белым флагом и поднятыми вверх руками вышли габы и стоят на крыльце! Мы чуть было их не подстрелили, но тепеь пытаемся понять, что всё это значит и в чём подвох. Смотрите в оба, может, это отвлекающий маневр и бандиты сейчас попытаются убежать. Как слышно? Приём.

Не отрывая взгляда от осаждаемой многоэтажки, я потянулся к рации и ответил:

– Слышно хорошо, будьте осторожны, это может быть ловушка, чтобы заставить вас подойти к окнам. Не высовывайтесь в окна и спросите, чего они хотят. Я бы им не доверял, они могут быть отвлекающим маневром, либо вообще переодетыми бандитами, поэтому поговорите с ними, не показывая себя, а я пока проконтролирую, чтобы никто под шумок не ускользнул. Приём.

– Я тоже подумал, что дело тут нечисто, сейчас наши любители поогать с ними переговоят, оставаясь за стенами. Приём.

– Хорошо, как станет понятно, что происходит, сообщите мне, конец связи.

Я закончил сеанс связи и задумался, пытаясь понять, что придумали бандиты. Думаю, они прекрасно понимают, что живыми им не уйти, поэтому отпустить заложников, которые могут выступить живым щитом, было очень неразумно с их стороны. Значит, где-то скрыт подвох, и мы пока не можем понять, где именно. Это очень давит на нервы – когда противник сделал какой-то хитрый ход, а ты не можешь предугадать его замыслы и тебе не понятно, с какой целью он его сделал.

От нервного напряжения у меня начали подрагивать руки и сильно хотелось курить. Я неотрывно следил за домом напротив, периодически поднося к глазам бинокль и наводя его на окна, пытаясь хоть что-то в них рассмотреть. Все мои попытки были напрасными, ни единого движения я не смог обнаружить. Рация молчала, выстрелов больше не было. Проклятая неизвестность и резко наступившая тишина давили на нервы и сводили с ума.

Супруга тоже нервничала и внимательно смотрела на улицу. Рация ожила вновь лишь спустя 15 минут тишины, которые для нас тянулись целую вечность. Из рации вновь раздался голос Артёма, на этот раз он был каким-то непривычно удивлённым. Заторможенно произнося слова, словно его мысли были заняты чем-то другим, он сообщил:

– Вы не повегите, что тут произошло! Можете смело бросать свою позицию и идти к нам, всё кончено, Акапулько.

Прежде чем ему ответить, мы с женой недоумевающе переглянулись, явно не понимая, что происходит. Голос в рации несомненно принадлежал Артёму, а прозвучавшее в конце кодовое слово, придуманное специально для подобных ситуаций, было подвыражением того, что он говорит по своей воле, а не принудительно, под дулом автомата.

Всё это было очень странно, но, если Артём сказал возвращаться, значит дальнейшее наше пребывание тут не имело смысла. Артёму я доверял, как самому себе, поэтому ответил в рацию:

– Я тебя понял, мы возвращаемся. Вы на старом месте? Приём.

– Мы во дворе, идите по воротам, как подойдёте, вам откоют.

– Принял, пнуть по воротам, конец связи. – проговорил я и, убрав рацию в подсумок, сказал жене:

– Ты всё слышала, пойдём посмотрим, что там случилось. Ни за что не поверю, что бандиты сдались или пустили себе пулю в лоб, наслушавшись страшилок, которые выкрикивал Витя.

– Да, как-то это странно, но, раз Артём сказал кодовое слово, то поводов для сомнения нет.

– Всё верно, хватай рюкзак и пойдём быстрее. Нам теперь желательно ещё успеть вернуться домой в светлое время суток. Если с бандитами покончено, то оставаться ночевать тут нет смысла. – произнес я, и мы, собрав свои рюкзаки и оружие, отвязали веревку из простыни, которая удерживала дверь в плотно закрытом положении, и вышли из квартиры.

Осколки разбитых лампочек, разбросанные мною на лестничной клетке, действительно громко хрустели при каждом шаге, не зря я их раскидывал, хоть и негодились. Опять противно закричала давно не смазываемыми петлями железная подъездная дверь, заставив двух мертвецов неподалёку повернуть голову на источник шума и обрадованно начать ковылять в нашу сторону. Правда, недолго радовались красноглазые твари, уже привычным движением сначала одному, а следом второму монстру, я пробил череп топориком. Обогнув дом сбоку, мы подошли к железным воротам, за которыми слышались тихие голоса людей. Я несильно постучал кулаком по калитке и прикрикнул:

– Сова, открывай, медведь пришёл.

И замер, смотря на сверкающую глазами от любопытства супругу, в ожидании, когда нам откроют. Послышались шаги, затем звуки возни с замком, и, наконец, калитку открылась. Держа автомат в руках, я недоверчиво посмотрел на грязного мужика бомжеватого вида, одежда которого была перепачкана свежей кровью. Заглянув ему за плечо, я увидел стоящих во дворе своих приятелей, которые мирно беседовали с другими оборванцами, и немного успокоился.

Мы зашли в огороженный двор, мужик молча закрыл за нами калитку. Моему взору предстала странная и непонятна картина. На земле рядом с потухшим костром валялся труп, голова которого оросила округу кровавыми брызгами, а также фрагментами волос и костей. К тому же, у него отсутствовало полруки и рядом валялся перевернутый и заляпанный кровью закопчённый казан, еда из которого вывалилась на землю и смешалась с кровью. Вокруг тела стояли вперемешку члены моего отряда и неизвестные мне посторонние люди, среди которых было трое похожих на бомжей мужика и две очень даже красивые и ухоженные девицы. Несмотря на разность полов и то, что одни выглядели, как бомжи, а вторых можно было фоткать на обложки модных журналов из прошлого, всех из объединяло одно обстоятельство: все незнакомые мне люди были перепачканы в свежей крови. Сразу почему-то вспомнилось начало фильма «Блейд», когда на дискотеке с потолка, на радость вампирам, полилась человеческая кровь. Все эти незнакомые мне люди выглядели так, как будто только что вышли с той кровавой дискотеки.

Встав поодаль от незнакомцев, я не спешил убирать из рук автомат, слишком уж неестественно и непонятно было для меня происходящее. Поочередно рассматривая незнакомцев, я произнёс:

– Может, кто-нибудь введет меня в курс дела, что за непонятная хрень тут происходит?

Ко мне подошел радостный Кузьмич, по-дружески приобняв меня одной рукой за плечо, он проговорил:

– Расслабься и празднуй победу! А то стоишь весь такой напряжённый, как будто в туалет по большому сильно хочешь.

Проговорив это, он засмеялся над своей шуткой, достал очередную фляжку из своих неприкосновенных запасов и протянул мне, предлагая отметить победу, сделав пару глотков самогона. Я не мог разобраться в происходящем, поэтому не спешил предаваться веселью.

Отодвинув рукой от себя любезно протянутую Кузьмичом фляжку, я отказался от предложения.

– Если ты мне сейчас не объяснишь, что тут происходит, я сильно разозлюсь! А когда я злой, то бью очень большие подсрачки всяким шутникам. А ты сейчас очень сильно похож на шутника, причём очень херового! – возмутился я недобрый голосом, пристально глядя в глаза Кузьмичу.

Престарелый пройдоха безошибочно чувствовал, когда лучше перестать паясничать. Вот и сейчас, услышав мой тон и видя недобрый взгляд, он сразу перестал улыбаться и немного обиженно ответил:

– Чё сразу херовый? Ну, раз ты такой серьёзный, то слушай, но бухнуть у меня сегодня больше не проси, не дам! – проговорил Кузьмич, обидевшись на то, что я дважды ранил его в самое сердце, вероломно отвергнув фляжку со спиртным и назвав херовым шутником. – Сначала всё шло по плану. Вы ушли, мы дали вам время, а затем начали постреливать и морально давить бандитов, красочно расписывая ожидающую их участь. И так продолжалось до тех пор, пока не открылась дверь подъезда и оттуда не показали белый флаг. Мы решили прекратить стрелять, из подъезда стали выходить люди, которых бандиты насильно держали в рабстве. Решив, что это отвлекающий манёвр, мы связались с тобой по рации и предупредили тебя. После, не высовываясь из окон, опасаясь ловушки, спросили, чего они хотят добиться, размахивая обрывком белой простыни, привязанной к швабре.

Кузьмич прервался и сделал небольшой глоток из фляжки, смачивая пересохшее горло. Затем он закурил сигарету и продолжил свой рассказ:

– Я ожидал чего угодно, но только не того, что произошло. Оказалось, что уцелевшие бандиты, как мы и предполагали, сидели, дрожа от страха, в ожидании штурма. Мы перебили большую часть банды, и в здании оставалось всего четыре человека: два мужика и две девки, если быть более точным. Те, кого они почти полгода насильно удерживали тут, заставляя делать грязную работу, издеваясь и постоянно избивая, решили, что настало время поквитаться. Драка была быстрой и кровавой, шесть рабов, которых бандиты не считали за людей и не воспринимали как угрозу, внезапно их атаковали, используя в качестве оружия подручные предметы. Убивали они этих уродов люто, тела больше похожи на кровавые отбивные. Этот красавчик, наверное, даже лучше выглядит. – Кузьмич кивнул на тело без головы, которое валялось около потухшего костра. – Вот, собственно, и всё. Большую часть бандитов перебили мы, остальные получили по заслугам от тех, над кем в течение полугода постоянно издевались. – подвел итог своего рассказа Кузьмич и щелчком пальцев отправил сигаретный окурочок в обезглавленное тело.

Я заметил на лице супруги удивление. Ещё бы, я сам ожидал чего угодно, но не такого поворота событий. Мне всё ещё не верилось, что все закончилось так легко и просто. Наверное, за последнее время я превратился в настоящего параноика, только что шапочку из фольги ещё не носил, пытаюсь защититься от электромагнитного облучения, опасаясь, что инопланетяне из космоса попытаются меня облучить. Скрывать своё недоверие я не видел смысла, поэтому, не стесняясь присутствия людей, о которых шла речь, я спросил:

– И вы им вот так просто поверили?

Кузьмич отошел от меня и сказал Артёму:

– У него начался очередной приступ паранойи! Скажи ты ему, картавый, что всё нормально, пусть успокоится.

Артём сунул оттопыренный средний палец Кузьмичу под нос и ответил:

– Пока ты не начнёшь называть меня по имени, хген что я тебе скажу.

Кузьмич засмеялся, постоянно повторяя слово «хген». Закончив ржать, он смахнул рукой слезу и произнёс:

– А может, тебя сразу по имениотчеству звать, а, Артём Картавович? Тоже мне, шишка важная нашлась! В общем, сами объясните, что всё нормально, а то нашли крайнего. – произнес Кузьмич и демонстративно отошел подальше от нас.

Я обвел всех взглядом, остановив его на Викторе. Решив, что в данный момент он – лучшая кандидатура для получения ответов на вопросы, я спросил:

– Витя, может, ты мне нормально объяснишь, почему вы сразу поверили, что это именно бывшие невольники, которые расправились с бандитами? Может, это бандиты, которые убили рабов, напялили их одежду и стоят теперь, прикидываясь невинными овечками.

Виктор радостно сверкнул очками, как будто только и мечтал о том, чтобы с кем-нибудь поговорить, ответил:

– Ты заблуждаешься, считая, что мы сразу взяли и поверили этим людям! Сначала мы тоже не верили и предполагали подобное, но их рассказ – чистая правда, по ряду причин. Их видел и опознал Артём, когда они готовили пищу. Насчёт одежды ты прав, но посмотри на их ладони и на уцелевшую ладонь бандита.

Проговорил Виктор и сделал паузу, давая мне время обдумать сказанное и сравнить увиденное. Я посмотрел на руки людей в грязной окровавленной одежде. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что бедолаг содержали в скотских условиях и заставляли повседневно выполнять тяжелую и грязную работу. Ладони их рук были покрыты мозолями и порезами, неопрятные ногти обломаны и обгрызаны, под ними скопилась черная грязь. Уцелевшая рука убитого бандита была с аккуратно подстриженными ногтями, с чистой и здоровой кожей. Контраст действительно был сильным, такое никак за пару часов не проделать, передо мной стояли люди, которым не повезло попасть в плен к бандитам. К тому же, если Артём действительно их видел, когда они готовили еду на костре и смог опознать, то мои опасения напрасны.

Дать ответ Виктору я не успел, ко мне подошел Кузьмич и сунул в лицо оторванную выстрелом Артёма кисть бандита, произнеся:

– Можешь не благодарить за то, что я тебе даю возможность рассмотреть вторую руку бандита поближе.

Я поморщился и ударил Кузьмича по руке, в которой он держал оторванную ладонь, отчего та отлетела в сторону и упала на землю. Кузьмич принялся потирать свою ушибленную руку, тихо матерясь. Злобно посмотрев на него, я произнёс:

– Ещё одна дурацкая выходка, и тебе писец! За сегодня ты меня уже изрядно достал.

Все, кто пришел сюда вместе со мной, никак не отреагировали на произошедшее, а вот бывшие пленники смотрели на меня и Кузьмича с недоумением и опаской. Чертов придурок, сейчас дошутится, и они на нас нападут, подумав, что мы тоже отморожение дебилы и ничем не лучше тех бандитов! Стараясь быстрее перевести внимание людей, я посмотрел на Виктора и сказал:

– Согласен, теперь я верю, что вижу именно тех, кто страдал от рук бандитов.

Взглянув на красивых девушек, которые, в отличие от мужчин, в плену выполняли роль явно не чернорабочих, я решил не акцентировать внимание, что не только от рук, но и других частей тела. И так всё было понятно, что красоткам тоже пришлось не сладко. Я бы даже сказал, ещё не известно, кому хуже. Тяжелая физическая работа, несомненно, выматывает, но быть в плену и подвергаться постоянному насилию ещё хуже и гораздо тяжелее для психики. Витя воспринял моё молчание по-своему, возбужденно сверкая очками, он произнёс:

– Вы можете смеяться, но сейчас мы стали свидетелями зарождения коммунизма в отдельно взятом трудовом коллективе. Да, да, именно так! Это как раз классический случай революции, когда рабочий класс объединился и скинул наглых эксплуататоров, которые присваивали себе результаты их труда.

Глядя на восторженного Виктора, которого понесло на красных волнах коммунизма в светлое будущее, я устало хлопнул себя ладонью по лбу и произнёс:

– Витя какой, на..й, коммунизм, что ты несёшь?! Сейчас точно не время и не место для подобных разговоров.

Виктор обиженно умолк, но сейчас мне было насрать на его обиды. Одна из прелестей нового мира, что вместе с цивилизацией рухнули искусственные рамки-ограничения. Теперь можно было не опасаться, что твоя точка зрения обидит собеседника и глубоко оскорбит его чувства. Эти дурацкие законы больше не работают! А то напридумывали херни об оскорблении чувств, причём, если ты на правильной стороне, то эти самые чувства под защитой закона. А вот если тебе не повезло, и ты, к примеру, атеист, то всем безразличны твои чувства и оскорбить тебя, с точки зрения закона, невозможно. В общем, весь этот бред остался в прошлом, теперь, если обиделся, то можешь поплакать – потом ссать меньше будешь.

Сейчас требовалось разобраться, что делать дальше с этими рабами, устроившими, как в старые добрые времена, восстание и убившими своих хозяев. Порыскать в поисках всяких ништяков, которые успела скопить банда. Дел ещё много и желательно всё это успеть сделать быстро и свалить отсюда, пока ещё на улице светло. Чтобы не терять время, я посмотрел на Витю, который стоял с грустным лицом, и сказал:

– Витя, ради красного знамени, не кисни, я твою теорию с удовольствием послушаю, но позже. Сейчас дел вагон и три вагона. Лучше покажите мне, что вы успели сами увидеть, пока я там, как дурак, сидел и пялился на дом с другой стороны.

Витя сердито посмотрел на меня и, всё ещё пребывая в обиженном состоянии, ответил:

– Ты не трогай Красное знамя! Это символ Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Победы над фашизмом и всех достижений Советской эпохи! За него люди отдавали жизни и проливали кровь.

Решив, что Виктора сейчас лучше не трогать, я ответил:

– Ты прав, я не к месту его приплёл, извини.

И, повернувшись к Артёму, попросил:

– Пойдём, ты мне всё покажешь, пока я не получил нервный срыв, а то коллектив у нас непростой, даже нах послать некого.

Артём посмотрел на меня сочувствующим взглядом и ответил:

– Конечно, пошли.

– Я с вами! – произнесла моя супруга, на что Артём предупреждающе сказал:

– Ты увегена, что хочешь видеть последствия бойни, котоую устроили бывшие габы?

– Да! – твердо ответила она и добавила. – Эти гады заслужили страшной смерти, поэтому меня не пугает перспектива увидеть их обезображенные трупы.

Артём молча кивнул и пошел в сторону подъезда с открытой нараспашку дверью, мы с женой направились вслед за ним.

На первый взгляд этот подъезд ничем не отличался от тех, в которых мы побывали до него. Всё те же давно покрашенные зеленой краской, обшарпанные от времени стены, на которых, как на скальные надписи, красовались матерные слова и рисунки. На побелке потолка вниз свисали черные горелые спички, всё это уже можно считать приветом из прошлого, от хулиганистых подростков. Зато в глаза сразу бросалась чистота и отсутствие толстого слоя пыли. Вряд ли это было заслугой бандитов, скорее, людей, которых они держали в неволе и заставляли делать всю грязную работу.

Осмотр мы начали с квартир первого этажа. Их бандиты использовали как склад для вещей, которые были нужны, но не представляли большую ценность. Подошли они к делу весьма ответственно, всё лишнее, в том числе и мебель, из квартир было убрано, всё пространство занимали грубо сваренные железные стеллажи, забитые разнообразным добром. Подсвечивая себе фонариком, я разглядывал наставленные друг на друга автомобильные аккумуляторы, комплекты новых шин различного радиуса и сезонности. Также тут хранилось много

разнообразного инструмента, бытовой химии, и прочих нужных, но не сильно ценных предметов.

Еду, воду, одежду и оружие с боеприпасами я не увидел ни в одной из квартир первого этажа. Зато отметил, что все окна были заложены белым кирпичом не только снаружи, но и внутри. Стоит отдать бандитам должное, к сохранности своего добра они подошли с умом, исключив возможность проникновения с улицы любителей чужого добра.

Покончив с осмотром квартир первого этажа, мы отправились на второй этаж. Тут тоже все квартиры были нежилыми и использовались как вещевой склад. Судя по обилию разнообразных вещей и обуви, уроды сумели обнести далеко не один магазин. Четыре квартиры, чтобы не было путаницы, разделили на сезоны, в каждой хранились вещи и обувь для определенного сезона. В одной зимние, в другой летние и две под весну-осень. Я обратил внимание, что одежда и обувь были не только для рыбаков, туристов и охотников, которые сейчас были самыми желанными и практичными, но и вполне себе обычными гражданскими.

Спортивные костюмы висели рядом с вечерними платьями. Зеленая военная пиксельная цифра уживалась рядом с праздничным белым смокингом. Видимо, бандиты хапали из магазинов всё подряд, сильно не утруждая себя думами о том, что пригодится, а что будет вечно висеть и пылиться. В целом объём вещей и обуви, которые хранились на втором этаже, впечатлял. Этого не сносить за всю жизнь, а если продать оптом на рынок, то можно получить немало нужных для хозяйства и комфортной жизни предметов.

Закончив беглый осмотр второго этажа, мы направились к лестнице и на межэтажной площадке обнаружили сюрприз. Если бы пришлось брать бандитское логово штурмом, он оказался бы весьма неприятным. Но, поскольку восставшие невольники расправились со своими мучителями, то теперь решётка, сваренная из толстых прутьев арматуры, полностью перекрывавшая доступ наверх, нас не напрягла, как могла бы это сделать во время штурма.

Рассматривая неаккуратно сваренную решетку из толстых неокрашенных, покрытых ржавчиной, прутьев арматуры, полностью перекрывающую доступ наверх, если запереть калитку на пару-тройку замков, я в очередной раз подумал, что бандиты, несмотря на свой паскудный образ жизни и неправильно выбранный путь, беспечными дураками отнюдь не являлись. В стене третьего этажа, которая располагалась напротив заграждения из решётки, были сделаны отверстия—бойницы, из которых хорошо простреливалось всё пространство на лестничной клетке, перекрываемое решёткой.

К счастью, до штурма дело не дошло. Сейчас дверь в решетчатой стене была гостеприимно распахнута, поэтому мы беспрепятственно попали на третий этаж. Прежде чем войти в квартиру, Артём замер на лестничной площадке и сказал:

– На третьем этаже у бандитов были неплохие огневые позиции, даже не представляю, как бы мы их отсюда выковыгивали, дойди дело до штурма здания. Тела лежат внутри, згелище, скажу я вам, не самое приятное, поэтому будьте морально готовы к тому, что ваш завтрак захочет покинуть желудок.

Я посмотрел на лицо жены, оно было спокойным и невозмутимым. Умничка, хорошо держится, подумал я, и ответил:

– Хватит пугать, давай уже показывай, как выглядит справедливое возмездие, учинённое руками доведённых до предела людей.

Артём распахнул дверь в одну из квартир и замер, предлагая нам войти первыми. Я перешагнул порог квартиры с мыслями, что нормальные мертвые не кусаются, поэтому бояться нечего.

Обстановка внутри квартиры была неожиданно хорошей для старой пятиэтажки. Видимо, используя бесплатную рабскую силу, бандиты сделали тут перепланировку и очень даже приличный ремонт. Мебель тоже была слишком хорошей и дорогой для подобного дома, значит её где-то смародёрили. Тут не было золота и лепнин, которые так любили раньше люди у

себя в домах, стоило появиться большим деньгам, которые, к сожалению, давали возможность купить многое, но не могли компенсировать отсутствие вкуса, поэтому такие выскочки превращали свои дома в подобие музеев и радовались, как дети, созерцая золотые унитаза, искренне считая эту безвкусицу атрибутами красивой жизни. У бандитов обстановка была дорогой, но не броской. Этаким минимализм с крашеными стенами и качественным ламинатом на полах. Всё было в черно-белых тонах, кроме мебели. Тут преобладал дубовый и коньячный оттенок. В результате самовольной перепланировки, стена, разделяющая две квартиры, практически исчезла, превратившись в тонкие колонны, тем самым соединив две квартиры в одну. Именно в этой большой квартире, которая использовалась как огневая точка для подавления атакующих, и разыгралась кровавая драма.

На некогда чистом полу из черного ламината виднелись кровавые отпечатки обуви. Белые стены рядом с бойницами пестрили кровавыми кляксами и разводами, среди которых встречались отпечатки ладоней. Различные предметы интерьера валялись на полу, в начинающих темнеть лужицах крови. Перевернутая пепельница рассыпала по полу окурки, которые, впитав в себя красную жидкость, изменили свой цвет. Под ногами хрустело стекло от разбитой кружки, в осколках которой лежал чайный пакетик с ярко-желтым ярлыком. Везде виднелись следы короткой и ожесточенной борьбы, а на полу в разных позах застыли обезображенные тела.

Я уже привык к трупам разной степени свежести, как и к следам насильственной смерти на них, но при взгляде на эти тела меня прошиб озноб. Думаю, родственники убитых вряд ли смогли бы опознать их, вместо лиц было сплошное кровавое месиво. У одного бандита в глазнице торчала ручка от вилки, причем, судя по всему, сначала её воткнули ему в глаз, а потом били по ней ногой, вгоняя в череп, пока она не уперлась в кость со стороны затылка, и после этого всё равно продолжили пинать, загибая остаток ручки вбок. Нос был свернут на бок, я много раз слышал это выражение, но впервые видел, чтобы нос лежал на скуле, смотря в сторону. Второй глаз не был виден, его скрывала большая опухоль, которая, к тому же, наполнилась кровью из сильно рассечённой брови. Разбитые губы сильно опухли и были похожи на двух жирных пиявок, которые вдоволь насосались крови, под ними виднелись осколки зубов.

Ещё один труп, принадлежавший мужику, не мог похвастаться даже осколками зубов, его череп был раздроблен на мелкие фрагменты, представляя из себя уродливую мешанину из мелких кусочков мозга, костей и спутанных волос. Если бы рядом с телом не валялась окровавленная бронзовая статуэтка конской головы, я бы, грешным делом, подумал, что это Берсерк своей кувалдой расхерачил голову негодяя на мелкие фрагменты. Но нет, кто-то из бывших рабов с остервенением молотил бандита тяжелой статуэткой, желая расщепить его череп на атомы. Впрочем, не только голова этого трупа испытала на себе гнев бывших невольников. Кто-то, приспустив штаны, под самый корень отрезал ему детородный орган. К счастью, поблизости отрезанный орган нигде не было видно.

Ещё два тела принадлежали девушкам. Не рискну предположить даже примерно, сколько им было лет и как они выглядели, потому что невольники, не делая скидку на принадлежность к слабому полу, тоже изуродовали лица до неузнаваемости, нанеся не один десяток ударов ногами и тяжелыми предметами. У одной из них был сильно проломлен череп, у другой череп сохранил свою форму, но от сильных ударов выскочили глаза и болтались, соединённые с черепом нитками зрительных нервов. Но это, видимо, было уже кульминацией жёсткой расправы, потому что все два тела были полностью раздеты, из промежностей на пол натекло много крови, между ног валялись осколки бутылок, если быть точнее, только горлышки, которые народ обычно называет «розочками».

Яна стояла с сильно побледневшим лицом. Она первая нарушила тишину и спросила:

– Эти рабы по жестокости мало чем отличаются от сектантов.

Ей ответил Артём:

– Ты пава, отгезать член ещё живому человеку или засунуть девкам по бутылке и газбить их внутги – это очень жёстко. Но есть одно но! В отличие от сектантов, эти люди не делают такое, отлавливая по всему гогоду выживших, а поквитались со своими мучителями. Я вам позже гасскажу, что они нам поведали, пока пгосто повегьте мне, у них были все основания так поступить с ублюдками.

– Ладно, думайте и решайте сами, я пойду на свежий воздух, хватит с меня всех этих кошмаров. – проговорила моя супруга и покинула квартиру.

Я проводил её взглядом и, закурив сигарету, спросил у Артёма:

– Ладно, похер на уродов, если бы все ублюдки знали, что их ожидает подобное, может, меньше бы беспределили. Ты мне лучше скажи, что ещё интересного есть в этом доме?

– Как ты заметил, подъезд огогожен по третий этаж. На пегвых двух всякая фигня и одежда с обувью. Тгетий этаж занимают две совмещённые квагтигы, обогудованные под огневые позиции, где сейчас мы с тобой находимся, ещё две квагтигы – жилище рабов, в котогых по совместительству кухня и пгачечная. Последние два этажа бандиты использовали как жильё. Одна из квагтиг на пятом этаже обогудована под огужейную комнату, ещё одна под пгодовольственный склад. Улов очень пгиличный, даже если всё поделить с бывшими габами, то всё гавно нам достаётся солидный куш.

Я быстро обдумал слова Артёма и сказал:

– Тогда не будем терять время, пошли на улицу, нужно решать, что делать с этими рабами.

– А что с ними делать? Пусть живут тут.

– Может, услышав про Рынок, они захотят туда. В любом случае, нам нужно обсудить наши дальнейшие действия, изначальный план сильно изменился, и теперь нужно думать: спешить, пока светло, и сваливать отсюда или оставаться тут на ночлег. Последнее мне очень не хочется!

Артём усмехнулся и спросил:

– Ты что, тгупов испугался?

– Что их бояться? Мертвые не кусаются. По крайней мере, такие, нормальные мертвецы с раздробленной в фарш головой.

– Ну да, там почти ни у кого не осталось зубов, чтобы кусаться. – поддержал Артём и мы вышли на улицу.

Во дворе народ разбился по кучкам и болтал. В основном бывшие рабы рассказывали о своей тяжелой жизни в плену у бандитов, а мои приятели сочувствующе смотрели на них и задавали уточняющие вопросы. Мне тоже было интересно услышать историю этих несчастных людей, но требовалось определиться с планом дальнейших действий, поэтому я громко произнёс:

– Эй народ! Нужно решить, что делать дальше, поговорить на другие темы позже успеете.

Едва я замолк, послышались несильные удары в железную стену, которая перегораживала двор. Все обернулись в сторону источника шума. Один из бывших рабов успокаивающе произнёс:

– Зомби на шум пожаловали. Обычно мы их в таких случаях выходили и успокаивали, проламывая головы, но сейчас они подождут, вы не переживайте, стена крепкая и способна выдержать натиск большой толпы мертвецов.

Он не преувеличивал возможности стены, я успел оценить добротность сваренного из толстого металла неказистого с виду забора, поэтому, решив не обращать на мертвеца за стеной внимание, я сказал:

– Хрен с ним, пусть пока скребется. Давайте только отойдём в другое место, мне уже надоело смотреть на трупы. – проговорил я, кивнув на тело без головы и руки, лежавшее рядом с нами.

Возражений не последовало, мы отошли в другой конец двора. Бывшие невольники сбились в кучу, было заметно, что они сильно напряжены в ожидании судьбоносного разговора. Видимо, всё же опасались нас и боялись, что только недавно обретенная свобода из рабского плена может оказаться лишь короткой передышкой. Особенно часто они кидали опасливые взгляды на молчаливого Берсерка, который как будто впал в какую-то прострацию и за всё время не произнёс ни единого слова, только всех внимательно слушал, крепко держа свою любимую кувалду в огромных ручищах.

Чтобы разрядить обстановку, я решил сразу прояснить ситуацию. Глядя на обеспокоенных людей, произнёс:

– Не нужно ожидать от нас подвоха, мы вас не тронем. Более того, вы оказали нам неоценимую помощь, растерзав уродов на третьем этаже, что помогло избежать весьма рискованной перестрелки, с возможными потерями с нашей стороны.

Бывшие пленники внимательно меня слушали и не перебивали, но было заметно, что, несмотря на все мои заверения, что им нечего бояться, они всё равно с недоверием относились к моим словам.

Больше часа заняло обсуждение дальнейших действий. В этом разговоре принимали участие все, без исключения. Наша основная цель была выполнена, бандиты понесли заслуженное наказание. Теперь речь шла о том, как справедливо поделить трофеи и дальнейшей судьбе людей, которые обрели свободу.

Итогами часовых переговоров стало следующее решение. Люди, для которых последние полгода были сплошным кошмаром, получив долгожданную свободу, не захотели её ни на что менять. Первое время они будут жить в бандитском логове, но потом уйдут отсюда, найдя другое место для жилья. Причиной тому послужило опасение, что за их головами могут прийти, посчитав, что тут до сих пор обитает банда, на счету которой множество ужасных преступлений и загубленных душ. Поэтому, несмотря на то что место было хорошо обустроено и защищено от мертвецов, бывшие невольники приняли решение уезжать отсюда, как только найдут подходящую замену.

По поводу добра банды, которое, с одной стороны, было нашими трофеями, с другой стороны, невольники тоже внесли свою лепту, убив засевших на огневой позиции третьего этажа бандитов. Взвесив все за и против, мы решили разделить всё на три равные части. Одна часть уходила нам, вторая предназначалась для бывших рабов, а третью часть решено было сбыть на рынке и взять с неё в равных долях необходимое для нужд каждого поселения.

Очень приятным для меня решением стало то, что ночевать мы тут не остаёмся. За это все члены моего отряда проголосовали единогласно. Поэтому, договорившись, что часть своих трофеев мы заберём сейчас, а за другой частью вернёмся позже, мы начали готовиться к выезду, чтобы успеть вернуться домой в светлое время суток. В качестве транспорта было решено использовать печально известный нам военный КАМАЗ. Новые хозяева не возражали, им грузовик с разбитыми стеклами и расстрелянной кабиной был не нужен, а нам очень даже – чтобы погрузить максимальное количество вещей и самим в нем уместиться.

Беглый осмотр показал, что машина исправна, в результате бандитской атаки сильно пострадала кабина, но двигатель и радиатор оказались нетронутыми. Уроды специально стреляли так, чтобы убить людей в кабине, но оставить машину на ходу. Видимо, они не горели желанием посреди дороги перегружать награбленное из КАМАЗа по своим автомобилям и заранее планировали отогнать его к себе в логово, и уже там разгружать добычу.

Артём и Витя, подняв кабину, осматривали двигатель и уровни жидкостей перед тем, как заводить грузовик. Все остальные занимались переноской трофеев в его кузов. Бывшие рабы помогали нам таскать вещи наравне со всеми.

Пока мы перетаскивали трофеи, бегая с разнообразным грузом в руках, как муравьи, наши механики опустили кабину грузовика на место, подключили найденный на первом этаже

аккумулятор и начали пробовать запускать грузовик. Сделав несколько оборотов, стартер запустил двигатель и тот громко затарахтел, выплюнув целое облако сизого дыма. Из кабины выпрыгнул Витя и произнёс:

– Вроде всё исправно работает, но я не знаю, сколько топлива, пули вывели из строя некоторые приборы, среди них указатель уровня топлива. Сейчас попробую старым методом проверить, сколько топлива в баках.

Проговорил и направился к ближайшему кусту. Отломав от него прямую, длинную ветку, он быстро срезал ножом с неё все листья и подошел к машине. Открыв крышку топливного бака, Витя засунул обструганную веточку в горловину, после чего, достав её, принялся внимательно разглядывать и сделал на ней отметку ножом. Протерев её рукавом, он совершил похожую манипуляцию со вторым баком. Подойдя к Артёму, он показал ему своё самодельное мерило и спросил:

– Артём, вот эта зарубка показывает, сколько в основном баке солярки, дополнительный бак пуст. Ты можешь приблизительно прикинуть, хватит нам доехать до места, где мы спрятали наши броневики или нет?

Артём внимательно посмотрел на отметину на палочке, немного поморщил лоб и ответил:

– Да должно хватить, тем более это дизель, у него расход не такой конский, как у бензина.

– Тогда машина готова на выезд. А там заправим его, чтобы доехал до дома, не зря же мы каждый раз берем с собой бочки с соляжкой, наконец-то они пригодятся. – радостно произнёс Виктор и выкинул ставшую ненужной веточку.

Прежде чем уезжать, мы договорились с освобождёнными от рабства людьми о примерной дате, когда мы снова приедем, и обговорили частоту для связи по рации. Всё необходимое для жизни у них имелось, наша помощь была им не нужна. Закопают тела своих мучителей и начнут нормально жить.

Глава 5. Дорога домой

Наконец все дела были улажены и настало время выезжать. Правда, сначала нам пришлось изрядно попотеть, расталкивая вручную в беспорядке припаркованные машины, которые перекрывали проезд к воротам. Женская часть отряда категорически отказалась ехать внутри кабины из-за старых следов крови и заняла место в кузове. За руль посадили Кузьмича, он неплохо управлялся с большими грузовиками, вот и пусть сидит рулит. Я занял место рядом с ним, третьим пассажиром, изъявившим желание ехать в кабине, оказался Берсерк. Мало того, что он, усевшись у двери, придавил меня своим плечом, так ещё и умудрился свою кувалду кинуть мне на ногу. Я с трудом сдержался от мата и зашипел, как разъярённый кот, Кузьмич с усмешкой посмотрел на меня и тронул машину с места.

Подрулив к воротам, мы помахали руками на прощание новым хозяевам бандитского логова. Они стояли по разные стороны от ворот, держа в руках заострённые арматурины – это было их привычным оружием для бесшумной зачистки мертвецов, которые как раз сейчас собрались у ворот, придя на звуки выстрелов, и скребли ногтями железо, иногда ударяя по нему руками и глухо рыча.

Высунув голову в боковое окошко, Кузьмич весело проорал:

– Открывайте ворота, я сейчас вам немного подсоблю, увидите, как батя играет в Кармагеддон!

Я не стал его одергивать. Если хочет, пусть сбивает мертвецов. У КАМАЗа настолько мощный железный бампер, что для машины это абсолютно безопасно, а вот оставшимся тут людям будет неплохая помощь, придётся меньше тыкать арматурой, стараясь угодить зомбаку в глаз.

Бывшие пленники распахнули створки ворот и сразу отскочили в разные стороны, Кузьмич только этого и ждал. Вдавлив педаль газа в пол, он внезапно закричал «Дави козлов!», заставив меня подпрыгнуть от неожиданности, и направил машину на зомбаков. Мертвецов было чуть больше десятка, они впились в нас взглядами своих кровавых глаз, скаля зубы. Железный бампер КАМАЗа с легкостью отталкивал их, опрокидывая на землю. Многотонная машина слегка покачнулась, переезжая тех зомбаков, которым не повезло попасть под колеса, и поехала, набирая скорость.

Мы проехали мимо многоэтажек и свернули на асфальтированную дорогу. Впереди показались бандитские машины, которые чуть ранее угодили в нашу засаду. Уткнувшись мордой в дерево, слабо дымился полностью обгорелый внедорожник. Чуть дальше валялся перевернутый пикап. Вокруг машин шастали небольшие группы взбудораженных мертвецов. Заметив нас, они некоторое время брели в нашу сторону, но вскоре отстали и скрылись из виду.

Кузьмич сосредоточенно рулил, объезжая брошенные на дороге автомобили. В кабине не осталось ни одного целого стекла, поэтому быстро ехать было невозможно, ветер начинал бить в глаза, вызывая слёзы. Нам пришлось делать приличный крик: дорога, по которой мы сюда попали, была только для пешеходов, автомобильного переезда вблизи станции «Придача» не было.

До частного сектора, где мы спрятали наши автомобили, добрались без происшествий. Кузьмич сбил ещё несколько зомбаков, имевших неосторожность оказаться на пути грузовика. Пару раз нам встречались люди. Одна легковая машина ехала навстречу, но, увидев нас, тут же свернула во дворы. И около кольца областного отделения ГАИ, на территории авиазавода, которая была огорожена забором из колючей проволоки, мы заметили небольшую группу людей в конце взлётно-посадочной полосы. Они были достаточно далеко от нас и не представляли угрозы. Мне стало интересно, что они там делают, выискивают уцелевший самолет? Даже если

случится чудо и там такой окажется, то что дальше? Даже с наличием пилота, куда сейчас лететь и зачем? Решив не забивать себе голову ненужными мыслями, я стал рассматривать проплывающие мимо пейзажи мертвого города.

Через 15 минут мы свернули с асфальтовой дороги в частный сектор, на нужную нам улицу. Кузьмич остановил машину рядом с домом, во дворе которого были спрятаны наши броневики. Повернув ко мне голову, он улыбнулся и собрался что-то сказать, но не успел.

Из дома, который нам был нужен, раздались выстрелы. Пули с громким звуком забарабанили по КАМАЗу. Кузьмич громко вскрикнул и, закрипев от боли зубами, упал на меня. Из кузова КАМАЗа послышались ответные выстрелы, огонь противника мгновенно ослаб. Кузьмич, кряхтя от боли, вцепился в руль и, подтягиваясь руками, уселся в кресло. КАМАЗ сильно дергаясь тронулся, Кузьмич сосредоточенно выруливал, тяжело дыша. Глядя на бледнеющего с каждой секундой товарища, я испугано спросил:

– Куда тебя ранило?!

– В бедро, жить буду, но, су...а, больно! – сквозь зубы процедил в ответ Кузьмич.

Схватив рацию, я зажал клавишу вызова и проорал:

– Артём, Кузьмич ранен! Что у вас в кузове?! Все целы?! Приём!

– У нас всё ногмально, только пага незначительных цагапин по касательной. Пгиём.

– Хорошо, тогда готовьтесь. Скоро сделаем остановку, нужно будет перебинтовать Кузьмича и быть готовыми к встрече гостей, на случай если сектанты отправятся в погоню.

– Пгинял. – коротко ответил Артём.

В его голосе явно чувствовалось волнение за друга. Я посмотрел на Кузьмича, его лицо было бледным, он рулил, крепко стиснув зубы, явно борясь с сильной болью. Решив, что дальше тянуть опасно, я сказал Кузьмичу:

– Давай останавливай грузовик, я сяду за руль, а тебя перевяжут.

Кузьмич не стал проявлять ненужный в данной ситуации героизм и, свернув в очередной проулок, остановил машину.

Я попросил Берсерка вылезти и помочь перенести Кузьмича в кузов грузовика. На помощь к нам выпрыгнули Артём и Витя. Девчонки спешно расчистили от трофеев небольшую площадку рядом с кабиной, чтобы раненого меньше подкидывало на кочках. Пол устелили вещами, взятыми в качестве трофеев в бандитском логове. Мы аккуратно уложили Кузьмича на импровизированное ложе. Девчонки за это время успели обмыть руки спиртом, который для подобных случаев был в каждой походной аптечке, и стояли, держа наготове ножницы и бинты. Как только Кузьмича уложили на правый бок, Ведьма присела рядом и начала разрезать ему левую штанину ножницами. Возясь с раненым, она, не поднимая головы, произнесла:

– Что встали, мы тут сами справимся. Вы, главное, дайте нам десять минут без тряски.

Она была права, навыками хирурга никто из нас не обладал, а первую помощь девчонки и без нас смогут оказать, остановив кровотечение и угостив Кузьмича обезболивающими с антибиотиками. Рана с виду была не смертельной. По крайней мере, пуля, угодив в верхнюю часть бедра, не задела крупные артерии, а это уже хорошо.

Мешаться девчонкам колдовать над Кузьмичом было бессмысленно и даже вредно, поэтому мы прыгнули на землю и рассредоточились, держа оружие в руках. Витя от переизбытка эмоций затеребил свои очки, постоянно поправляя их. Не выдержав тишины, он спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.